

Н. К. ПЕТРОВА

Творчество И. А. Гончарова

ПОСОБИЕ ПО СПЕЦКУРСУ

Издательство
Московского университета

НАУЧНО-
МЕТОДИЧЕСКИЙ
КАБИНЕТ

1979

МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО
И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ СССР

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
КАБИНЕТ ПО ЗАОЧНОМУ
И ВЕЧЕРНЕМУ
ОБУЧЕНИЮ
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

Н. К. ПЕТРОВА

ТВОРЧЕСТВО
И. А. ГОНЧАРОВА

Пособие по спецкурсу
для студентов-заочников
филологических факультетов
государственных университетов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1979

Рекомендовано
кафедрой истории русской литературы
филологического факультета
Московского университета

Рецензенты:
канд. филол. наук Л. И. Матюшкина
канд. филол. наук В. А. Грихин

Петрова Н. К.
Творчество И. А. Гончарова. Пособие по спецкурсу.
М., Изд-во Моск. ун-та, 1979. 95 с.

© Издательство Московского университета, 1979 г.

Введение

В середине XIX в. продолжается становление больших эпических жанровых форм — повести и романа — как наиболее адекватных времени, позволяющих воспроизводить многоплановость мира, его «многомодельность». В. Г. Белинский особо выделил повесть и роман как и самый широкий всеобъемлющий род поэзии; в нем талант чувствует себя безгранично свободным. «Роман и повесть стали теперь во главе всех других родов поэзии... В них лучше, удобнее, нежели в каком-нибудь другом роде поэзии, вымысел сливается с действительностью, художественное изобретение смешивается с простым, лишь бы верным, списыванием с природы...»¹ Перекликаясь с Белинским, Гончаров писал: «Европейские литературы вышли из детства, и теперь ни на кого не подействует не только какая-нибудь идиллия, сонет, гимн, картинка или лирическое излияние чувства в стихах, но даже и басни мало, чтобы дать урок читателю. Это все уходит в роман, в рамки которого укладываются большие эпизоды жизни, иногда целая жизнь, в которой, как в большой картине, всякий читатель найдет что-нибудь близкое и знакомое ему»². Не случайно роман стал той жанровой формой, в которой проявилось по преимуществу дарование Гончарова.

Место И. А. Гончарова в истории русской литературы определяется значением его трех романов. Наряду с А. И. Герценом и И. С. Тургеневым Гончаров стал создателем русского реалистического романа в его классической форме.

До появления «Обыкновенной истории» (1847 г.) уже были известны роман в стихах «Евгений Онегин», роман-поэма «Мертвые души», синтетический роман «Герой нашего времени», включавший две новеллы, две повести и один очерк. Успех первого романа Гончарова был подготовлен достижениями писателей «натуральной школы» в развитии реализма.

¹ Белинский В. Г. Собр. соч. в 3-х т., т. 3. М., 1948, с. 802.

² Гончаров И. А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 8. М., 1955, с. 211.

Далее все цитаты в тексте даются по этому изданию.

В «Обыкновенной истории», «Обломове», «Обрыве» выявились не только характерные особенности дарования писателя, но и процесс его творческого развития и внутренних изменений в критическом реализме, когда все большее внимание уделяется миру человеческой души, изображению противоречий и многогранности личности, объяснению явлений действительности социальными причинами. Продолжая антикрепостнические тенденции «натуральной школы», Гончаров объяснял пороки общества и нравственную несостоятельность личности понятием «обломовщина». В тщательной детальной обрисовке «обломовщины» и всех ее последствий он видел свой гражданский и писательский долг: «Все, что я мог сделать — это изобразить обломовщину, и эту заслугу я оказал» (8, 385), «Обломовщина... не вся происходит по нашей собственной вине, а от многих, от нас самих «независящих причин». Она окружила нас, как воздух, и мешала (и до сих пор мешает отчасти), идти твердо по пути своего назначения»³.

Над своими романами Гончаров работал медленно, но писал их быстро, что объясняется особенностями творческого процесса: он подолгу вынашивал свои произведения и потом, после написания, тщательно отделял каждую фразу. В частной переписке он постоянно говорил о своих сомнениях, о тяжести и ответственности писательского труда. «Я служу искусству, как запряженный вол», — заключал он свои сетования в письме И. С. Тургеневу.

Весь зрелый период своей жизни Гончаров, по наблюдениям А. Ф. Кони, был большим тружеником⁴.

И. А. Гончарову свойственны спокойная манера повествования, объективность, подробная предметная детализация, полнота изображения действительности, умение охватить явление целиком и проследить все процессы его изменений и становления.

И. А. Гончаров — особенный писатель. Если бы он не написал ничего кроме романа «Обломов», все равно его имя никогда бы не забылось и «Обломов» составил бы определенный этап как в развитии жанра русского реалистического социально-бытового романа, так и в развитии критического реализма XIX в.

Именно Гончаров выступил в нашей литературе как блестящий бытописатель крепостного уклада и изумительный мастер в создании законченных художественных типов.

Уже в первом его романе «Обыкновенная история» Белинский отмечал высокое художественное мастерство, отсутствие ученичества и литературства.

³ Гончаров И. А. «Необыкновенная история». В «Сборнике Российской публичной библиотеки», т. 2, вып. 1. Пг., 1924, с. 134.

⁴ См.: И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969, с. 238—260.

Создавая свои предельно жизненно-яркие характеры, выражая через них объективно правильное понимание и оценку фактов действительности, Гончаров внешне был чрезвычайно далек от нарочитой тенденциозности, от навязывания читателю своих мыслей и идей, что и позволило революционно-демократической критике в полной мере использовать его романы и особенно «Обломова» для политически острой оценки целого общественного уклада самодержавно-крепостнической России.

Внешне спокойная манера повествования, объективность художника позволили ему не только внимательно взглянуть в явления жизни, но и представить их в двух первых романах на суд читателя во всех мельчайших подробностях и проявлениях так, что идеи и авторская оценка изображаемого стали ясными как бы сами собой. Добролюбов заметил, что Гончаров не философствует о жизни и не стремится навязывать читателю своих понятий и чувств, заражать его своими увлечениями.

Его талант совсем другого рода. Гончаров «не запоет лирической песни при взгляде на розу и соловья,— пишет критик,— он будет поражен ими, остановится, будет долго всматриваться и вслушиваться, задумается... Какой процесс в это время произойдет в душе его, этого нам не понять хорошенько... Но вот он начинает чертить что-то... Вы холодно всматриваетесь в неясные еще черты... Вот они делаются яснее, прекраснее... и вдруг, неизвестно каким чудом, из этих черт восстают перед вами и роза, и соловей, со всей прелестью и обаянием. Вам рисуется не только их образ, вам чудится аромат розы, слышатся соловьиные звуки: пойте лирическую песню, если роза и соловей могут возбуждать ваши чувства; художник начертал их и, довольный своим делом, отходит в сторону; более он ничего не прибавит... И напрасно было бы прибавлять,— думает он,— если сам образ не говорит вашей душе, что могут вам сказать слова?»⁵

В этом поэтическом отрывке Добролюбов указал на пластичность таланта Гончарова и на художественное совершенство выражения идеи («сам образ должен говорить вашей душе»).

В статье о романе Тургенева «Накануне» Добролюбов снова возвращается к мысли о прогрессивном, социально-значимом воздействии идейно-художественных произведений, в которых отражена правда жизни без нарочитого философствования. Критик замечал: «писатель-художник, не заботясь ни о каких общих заключениях относительно состояния общественной мысли и нравственности, всегда умеет, однако же, уловить их существеннейшие черты, ярко осветить и прямо

⁵ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 3-х т., т. 2. М., 1950, с. 109.

поставить их перед глазами людей размышляющих. Вот почему и полагаем мы, что как скоро в писателе-художнике признается талант, т. е. умение чувствовать и изображать жизненную правду явлений, то уже в силу этого самого признания, произведения его дают законный повод к рассуждениям о той среде жизни, о той эпохе, которая вызвала в писателе то или другое произведение. И меркою для таланта писателя здесь будет то, до какой степени широко захвачена им жизнь, в какой мере прочны и многообъятны те образы, которые им созданы»⁶.

Произведения и образы Гончарова давали «законный повод к рассуждениям» о крепостной системе и всех пороках общества, ею порождаемых. В 50-х—60-х гг. все социальные общественные вопросы «сводились к борьбе с крепостным правом», и естественно, что в той обстановке творчество Гончарова чрезвычайно содействовало пониманию несостоятельности старых крепостнически-патриархальных отношений и было пронизано пафосом ожидания нового и неясных надежд в будущем.

Гончаров по своим убеждениям был в такой же степени сторонником просвещения, гуманности, демократизма, как Тургенев и Островский. Он ненавидел крепостное право, крепость, застой, но в своих произведениях не произносил страстных обличительных речей, а предоставлял слово самой действительности. Из фактов действительности, изображенных во всей полноте и живости, как бы отчеканенных и освоенных со всех сторон, тенденция вытекала сама собой.

Стремление к полноте раскрытия фактов действительности составляло пафос творчества многих писателей середины прошлого века, что и нашло выражение в больших эпических жанрах — повестях, романах — как наиболее удобных формах изображения общественной жизни. И в этом плане творчество Гончарова и его эстетические взгляды были ярким выражением основных тенденций развития русского критического реализма 50-х—60-х гг. прошлого века.

В историю мировой литературы И. А. Гончаров вошел как «один из самых ярких реалистов гоголевской школы»⁷. Его романы стали широко известными еще при жизни писателя не только в России, но и на Западе. И до сегодняшнего дня они сохранили художественную свежесть и познавательное значение. Их этическое и эстетическое воздействие огромно.

Литературное наследие И. А. Гончарова значительно и разнообразно: он был создателем не только трех широко известных романов и очерков «Фрегат Паллада», но и автором

⁶ Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. 3, с. 30.

⁷ Короленко В. Г. Соч., т. 8. М., 1955, с. 255.

повестей, публицистических очерков, литературно-критических статей, автобиографических и мемуарных произведений.

К литературе и художественному творчеству И. А. Гончаров относился очень серьезно, предельно ответственно, отбирая для опубликования лишь самые лучшие из своих произведений. Поэтому он стал известен уже в зрелом возрасте, написав первое произведение «Обыкновенную историю» в 1847 г. («Современник», № 3, 4).

В марте 1849 г. в «Литературном сборнике» появился «Сон Обломова», и только с января 1859 г. начинает печататься роман «Обломов» («Отечественные записки», № 1, 2, 3, 4).

Первые произведения получили высокую оценку публики, крупнейших писателей-современников и революционно-демократической критики.

Успех И. А. Гончарова не был случайным и кратковременным, ибо его романы заставляли и заставляют думать о жизни, о человеке, о его роли и назначении, что и подчеркнул Л. Н. Толстой.

В дневнике Л. Н. Толстого есть запись: «Читаю прелестную «Обыкновенную историю»⁸, а в письме к В. В. Арсеневой — как бы продолжение. «Прочтите эту прелесть. Вот где учишься жить. Видишь различные взгляды на жизнь, на любовь, с которыми можешь ни с одним не согласиться, но зато свой собственный становится яснее и умнее»⁹.

В письме к А. В. Дружинину в 1859 г. Л. Н. Толстой сообщал: «Обломов» — капитальнейшая вещь, какой давно не было. Скажите Гончарову, что я в восторге от «Обломова» и перечитываю его еще раз. Но что приятнее ему будет, — это, что «Обломов» имеет успех не случайный, не с треском, а здоровый, капитальный и невременный в настоящей публике»¹⁰.

Уже «Обыкновенная история» привела в восторг В. Г. Белинского, увидевшего в начинающем писателе замечательный талант и прочившего ему много хорошего в будущем. В письме к В. П. Боткину от 17 марта 1847 г. В. Г. Белинский делится своими впечатлениями: «Действительно, талант замечательный. Мне кажется, что его особенность, так сказать личность, заключается в совершенном отсутствии семинаризма, литературщины, и литераторства, от которых не умели и не умеют освободиться даже гениальные русские писатели. . . Я уверен, что тебе повесть эта сильно понравится. А какую пользу принесет она обществу! Какой она страшный удар ро-

⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90-та т. Юбилейное изд., т. 67, с. 103.

⁹ Толстой Л. Н. Юбил. изд., т. 60, с. 140.

¹⁰ Там же. т. 60, с. 210.

мантизму, мечтательству; сентиментальности, провинциализму!»¹¹.

В обзоре русской литературы за 1847 г. Белинский поставил «начинающего» Гончарова рядом с А. И. Герценом, увидел в их произведениях новые возможности развития реализма. Автору «Обыкновенной истории» Белинский отвел «одно из самых видных мест» в русской литературе.

¹¹ Белинский В. Г. Избранные письма. М., 1955, с. 311.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ В «ДОМАШНЕМ КРУГУ»

В 1832 г., будучи студентом, А. И. Гончаров опубликовал в журнале Н. И. Надеждина «Телескоп» перевод отрывка из романа Э. Сю «Аттар Гюль».

Первое самостоятельное произведение появилось в 1847 г.¹² Между тем склонность к писательству обнаружилась уже в юности: «Я с 14—15-летнего возраста,—вспоминал И. А. Гончаров,—... писал сам непрерывно. Чтение и писание выработало во мне, однако, перо и сообщило, бессознательно, писательские приемы и практику. Чтение было моей школой, литературные критики того времени сообщали мне практику, т. е. я присматривался к взглядам, направлениям и т. д. Тут я только, а не в одиночном чтении и не на студенческой скамье, увидел — не без грусти — какое беспредельное и глубокое море—литература, со страхом понял, что литературу, если он претендует не на дилетантизм в ней, а на серьезное значение, надо положить в это дело чуть не всего себя и не всю жизнь».

Это чувство высокой ответственности никогда не покидало писателя. С «ужасным волнением» он передал на суд Белинскому рукопись своего первого романа.

«Обыкновенная история» имела успех и принесла Гончарову известность. В. Г. Белинский в письме В. П. Боткину отметил замечательный талант писателя и обратил внимание на отсутствие в первом произведении следов ученичества — «семинаризма, литературщины, литераторства». И это не было случайностью. До 1847 г. Гончаров написал много произведений: стихотворения, рассказ, повесть, очерк, задумал роман — и уже имел определенный творческий опыт, хотя ничего не публиковал.

И. А. Гончаров родился в 1812 г. в Симбирске (ныне Ульяновск) в семье хлеботорговца. После смерти отца мать будущего писателя, женщина умная, твердого и сильного характе-

¹² Роман «Обыкновенная история» задуман в 1844 г., закончен в 1846 г. и опубликован в 1847.

ра (Гончаров всегда вспоминал ее с любовью и большим уважением), занималась воспитанием детей, вела хозяйство и дела семьи. В доме Гончаровых поселился отставной моряк Н. Н. Трегубов, человек гуманный и образованный по тем временам. Два хозяйства — купеческое и дворянское — слились в одно, дом был полная чаша. Атмосфера довольства и доброжелательства окружила детей.

Трегубов особенно привязался к маленькому Ване и сумел заразить любознательного мальчика страстью к чтению и познанию нового. По-видимому, не без влияния воспоминаний и рассказов Трегубова И. А. Гончаров решил участвовать в кругосветном плавании на фрегате «Паллада» в 1852 г.

Гончаров учился в Московском Коммерческом училище, но его тянула литература, словесный факультет Московского государственного университета; вступив в это святилище со страхом и трепетом в 1831 г., он много читал, прилежно слушал лекции профессоров и увлекался театром. Он был далек от студенческого движения и не примкнул ни к одному из университетских кружков (Герцена, Белинского, Станкевича)¹³.

Самое яркое воспоминание студенческих лет — посещение университета А. С. Пушкиным¹⁴ и его спор с проф. М. Т. Каченовским о подлинности «Слова о полку Игореве». «...Когда вошел Пушкин, — пишет И. А. Гончаров, — для меня точно солнце озарило всю аудиторию: я в то время был в чаду обаяния от его поэзии; я питался ею, как молоком матери; стих его приводил меня в дрожь восторга. На меня, как благотворный дождь, падали строфы его созданий («Евгения Онегина», «Полтавы» и др.). Его гению я и все тогдашние юноши, увлекавшиеся поэзией, обязаны непосредственным влиянием на наше эстетическое образование. Перед тем однажды я видел его в церкви, у обедни — и не спускал с него глаз. Черты его лица врезались у меня в памяти. И вдруг этот гений, эта слава и гордость России — передо мной в пяти шагах! Я не верил глазам. Читал лекцию Давыдов, профессор истории русской литературы.

«Вот вам теория искусства, — сказал Уваров, обращаясь к нам, студентам, и указывая на Давыдова, — а вот и самое искусство», — прибавил он, указывая на Пушкина. Он эффектно отчеканил эту фразу, очевидно, заранее приготовленную. Мы все жадно впились глазами в Пушкина. Давыдов оканчивал лекцию. Речь шла о «Слове о полку Игореве». Тут же ожидал своей очереди читать лекцию, после Давыдова, и Каченовский. Нечаянно между ними завязался, по поводу «Слова

¹³ См.: Гончаров И. А. Собр. соч., т. 7, с. 193—223.

¹⁴ А. С. Пушкина привез в университет тогдашний министр С. С. Уваров.

о полку Игорева», разговор, который мало-помалу перешел в горячий спор. «Подойдите ближе, господа,— это для вас интересно», — пригласил нас Уваров, и мы тесной толпой, как стеной, окружили Пушкина, Уварова и обоих профессоров. Не умею выразить как велико было наше наслаждение — видеть и слышать нашего кумира... С первого взгляда наружность его казалась невзрачною. Среднего роста, худощавый, с медными чертами смуглого лица. Только когда вглядишься пристально в глаза, увидишь задумчивую глубину и какое-то благородство в этих глазах, которых потом не забудешь. В позе, в жестах, сопровождавших его речь, была сдержанность светлого благовоспитанного человека... У него было небольшое лицо и прекрасная пропорциональная лицу, голова, с негустыми, кудрявыми волосами» (7, 207—208).

Окончив университет, Гончаров год служил в канцелярии Симбирского губернатора. Потом перевелся в Петербург в министерство финансов, где занял должность переводчика иностранной переписки (в департаменте внешней торговли). Ведь, казалось бы, однообразную жизнь добропорядочного чиновника, Гончаров все свободное время и все внутренние силы души отдавал литературе. «Он читал все по-русски, по-немецки, по-французски, по-английски—дополняя свое образование, переводил, иногда писал сам» (8, 229). И неудивительно, что этот чиновник, узнав о смерти Пушкина, рыдал как ребенок в коридоре департамента, подавленный величайшим личным горем...

В Петербурге Гончаров коротко сблизился с семейством известного академика-художника Н. А. Майкова, сыновьям которого,—Апполону (в будущем поэту) и Валерьяну (критику и публицисту) — он преподавал эстетику и латинский язык.

В доме Майковых все интересовались литературой и искусством, там бывали известные поэты, писатели (Бенедиктов, Григорович, Тургенев, Панаев), общественные деятели. Велись интересные разговоры и споры, обсуждались новости общественной жизни. Кружок салона Майковых был неоднородным, и состав его менялся. Об общем направлении кружка существуют разные мнения у исследователей. Наиболее убедительным представляется мнение С. С. Деркача, высказанное в статье «И. А. Гончаров и кружок Майковых». Исследователь полагает, что «живую струю» в жизнь кружка внесли молодые люди, группировавшиеся вокруг Валерьяна Майкова.

В кружке Гончаров И. А. испытал воздействие идей и настроений, по своей глубинной тенденции очень разных. Они сыграли известную роль в формировании его как художника, но в том смысле, что явились импульсами для работы его мысли и его творческой фантазии в определенном направлении: «как

и все большие художники, он был неповторимо своеобразным в своих идейных и творческих исканиях»¹⁵.

В салоне Майковых «издавались» рукописные сборники «Подснежник» и «Лунные ночи». Сыновья художника и друзья дома помещали в них свои произведения.

В домашних альманахах и появились первые литературные опыты И. А. Гончарова: стихотворение «Отрывок из письма к другу» («Подснежник», 1836, № 2), «Тоска и радость», «Романс» («Подснежник», 1836, № 3), «Утраченный покой». «Подснежник» (№ 4), повесть «Нимфодора Ивановна». «Подснежник» (№ 2, 3)¹⁶.

Там же увидели свет опыты будущего автора в реалистическом плане — «Лихая болезнь» («Подснежник», 1838, № 12) и «Счастливая ошибка» («Лунные ночи», 1839).

Стихотворения Гончарова не были оригинальными. Как отметил А. Рыбасов, «по своей главной теме («утраченная любовь»), и по образу героя («страдалец с пасмурным челом»), и по фразеологии («волшебный миг любви», «пламенная страсть», «коварное молчание», «демон злой», «дико воющая пучина») стихи Гончарова вполне традиционны для условно-романтической поэзии 30-х гг.¹⁷». Увлечение романтической лирикой было кратковременным. Критически взглянуть на свои стихотворения Гончарову помогла статья В. Г. Белинского «Стихотворения Бенедиктова», в которой критик развенчал кумира модного романтизма, обнаружил пустоту и бесполезность его поэзии. «Где-то было сказано, что в стихотворениях г. Бенедиктова владычествует мысль: мы этого не видим. Г-н Бенедиктов воспевае все, что воспевают молодые люди: красавиц, горе и радость жизни; где же он хочет выразить мысль, то или бывает слишком томен, или становится холодным ритором». И далее В. Г. Белинский доказывает, что все в стихотворениях Бенедиктова «не полно, все поверхностно, и это не потому, чтобы его талант еще не созрел; но потому, что он, очень хорошо понимая и чувствуя поэзию воспеваемых им предметов, не имеет этой силы фантазии, посредством которой всякое чувство высказывается полно и верно. У него нельзя отнять таланта стихотворческого; но он не поэт. Читая его стихотворения, очень ясно видишь, как они деланы»¹⁸.

Молодой Гончаров понял, что он тоже «не поэт», и не толь-

¹⁵ Деркач С. С. И. А. Гончаров и кружок Майковых. В сб.: Русская литература XIX—XX вв. «Учен. зап. Ленингр. ун-та», 1971, вып. 76, с. 23.

¹⁶ Стихотворения И. А. Гончарова опубликованы в «Звезде», № 5, 1938 г.; О повести см.: Демиховская О. Неизвестная повесть И. А. Гончарова «Нимфодора Ивановна». «Русская литература», 1960, № 1.

¹⁷ Рыбасов А. И. А. Гончаров. М., 1957, с. 96.

¹⁸ Белинский В. Г. Собр. соч., т. 1. М., 1948, с. 163, 170.

ко похоронил свои стихи на страницах рукописного журнала, но и язвительно пародировал их в романе «Обыкновенная история». Этот факт самопародирования любопытен: он говорит о том, что отдав вместе с другими писателями «натуральной школы» — некоторую дань романтическому эпигонству, Гончаров вскоре, еще более решительно, чем они, отказался платить ему дань. Гончаровская автопародия — одна из самых выразительных в русской литературе»¹⁹.

В прозаических произведениях Гончарова наметился переход от романтизма к реализму. В очерке «Лихая болезнь», вымышленная пристрастие к «путешествиям» и «высоким» речам романтически мечтательных героев, автор показал грубую действительность и почти натуралистически воспроизвел картину грязного заброшенного оврага, свалки и останков разных домашних животных, покоящихся на дне оврага.

Трезвый реалист (автор), все время полемизирует с мечтателями-романтиками («путешественниками»), откровенно смеется над ними.

Повесть «Лихая болезнь» направлена не только против романтических иллюзий, но и против голого «физиологизма» и бездуховного существования, которому предается ленивец и тревоугодник помещик Тяжеленко. В этом образе уже наметились те характерные черты, которые составят суть образа Обломова, — «беспримерная лень и геройской равнодушие к суете мирской».

В «Лихой болезни» Гончаров часто использует гоголевские приемы обличения, сочетая сатиру с дидактизмом.

В повести «Счастливая ошибка», напоминающей по содержанию светскую повесть, реалистические элементы становятся преобладающими. Ясен и прост сюжет рассказа. Характеры и психология героев (Елена, Егор Адуев) обусловлены воспитанием и образом жизни. Но в описании внешности Елены и чувств Егора Адуева встречаются романтические штампы: упор Елены «сверкал искрой чудесного пламени», «подергивался нежною томностью», Егор «любил пламенно, со всей силою мечтательного сердца... сердце, истомленное мелочными слезами без любви, ожесточенное изменами... ринулось на отчаянную борьбу, из которой... оно выйдет... разбитое, униженное» (7, 432).

Самое обилие чисто внешних примет возвышенного стиля дает основание предположить, что автор в какой-то мере высмеивал, пародировал сентиментально-романтическую фразеологию. В дальнейшем, в «Иване Савиче Поджабрине», Гончаров нарочито повторял подобные штампы и выделял их в тексте курсивом. В «Счастливой ошибке» явное влияние Гоголя — в описании интерьера (дом и комнаты барона, будуар Еле-

¹⁹ Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950, с. 37.

ны), портретов и поступков второстепенных действующих лиц. Вот как представлен барон Нейлейн: «...на мраморном столике чуть теплилась лампа и освещала лица двух стариков, которые, сидя в вольтеровских креслах друг против друга, сначала, вероятно, беседовали и потом утопили свою беседу в сладкой дремоте... Вообразите огромную лысину, которая по бокам была окружена двумя хохолками редких, седых, стоячих волос, очень похожими на обгоревший кустарник; вскоре после лысины следовал нос, то был конус значительной величины, в который упиралась верхняя губа, помещенная у самого его основания, а нижняя, не находя преграды, уходила далеко вперед, оставляя рот отворенным настежь: по бокам носа и рта бежали две глубокие морщины и терялись в бесчисленных складках под глазами. Сверх того, все лицо испещрено самыми затейливыми арабесками. Таков был действительный тайный советник барон Карл Осипович Нейлейн» (7, 430).

«Счастливая ошибка» сопоставлялась исследователями со «светской повестью» 30-х—40-х гг. и с «Обыкновенной историей» в плане анализа раскрытия характеров героев и выявления их психологизма, реалистической мотивированности поступков и поведения, особенностями воспитания и средою. Между тем, повесть социально направлена на обличение крепостничества, и в ней уже намечена тема «обломовщины». Антикрепостнические тенденции повести как бы на поверхности и не лишены элементов дидактизма. Егор Адуев честит своего дядьку «старым чертом», из-за плохого настроения приказывает отдать двух крепостных парней в солдаты, а девку — на фабрику, не желает и слушать о нуждах своих крепостных. В минуту неудачи и капризного гнева он предстает перед читателем как барин-крепостник, подстать своему, видимо, дикому самодуру-батюшке: «Видимо, в покойника барина пошел!» — замечает с горечью его управляющий (7, 450). В хорошем же настроении, не желая вникать в дела своих подопечных, он легко швыряет тысячи, не заботясь о последствиях. В повести намечены мотивы и темы, которые впоследствии получат полное раскрытие в лучшем романе писателя, в «Обломове». Если внимательно читать повесть, то легко улавливается связь в описании быта семьи Нейлейн и будущих Обломовых: безделье, всепоглощающий сон, довольные, сытые и в сущности никому не нужные старики, живущие растительной жизнью. В повести все это лишь намечено, в романе эти мотивы получают полное и широкое эпическое воплощение.

В бытовых зарисовках повести появилась предметная детализация; в романе она станет одной из существенных особенностей творческой манеры писателя.

Повесть разнослойна: повествование о быте семьи барона ведется в гоголевской реалистической манере, с использованием гиперболы; в гоголевском же, но романтически-приподнятом

стиле рисуется внешний облик Елены и любовь Адуева. В то же время психология молодых людей, их мысли, привычки, поведение, так же как впоследствии и в «Обломове», объясняются не только воспитанием, но и влиянием окружающей среды, общественных понятий, нравов, социальным положением героев.

Таким образом, повесть «Счастливая ошибка» интересна в плане становления реалистической манеры письма будущего создателя «Обломова».

«Иван Савич Поджабрин» (1842) — нравоописательный физиологический очерк в духе «натуральной школы»²⁰. В соответствии с принципами натуральной школы здесь показаны нравы, обычаи, повседневный быт мелких чиновников, мещан, слуг, дворников, девиц легкого поведения. Автор обличает пошлый мир обывателей.

Характеры Ивана Савича и его слуги Авдея навеяны «Ревизором» Гоголя. Хвастливые речи Ивана Савича перекликаются с монологами Хлестакова: «Утром я встаю в десятом часу, иногда хожу в должность, иногда нет, как случится... потом — часа в три иду гулять на Невский проспект. Там, знаете, весь *beau monde* гуляет тогда, встречаешь множество знакомых, с тем слово, с другим два. Зайдешь к Беранже иностранные газеты почитать, об испанских делах, о французском министерстве... Так время неприметно и пройдет до обеда» (7, 70). Однако, когда у него спрашивают, «кто теперь министром у французов», в замешательстве отвечает, что «теперь министерство распущено». И все же Поджабрин, легкомысленный невежда, мелкий хвостун, необыкновенно падкий на вранье, был признан обществом «за любезного, фешенебельного и вообще достойного молодого человека».

Иван Савич мельче Хлестакова, и у него меньше непосредственности, увлеченности разыгрываемой ролью, чем у Хлестакова. Гончаров иронически относится к своему герою, часто ставит его в смешные положения. Комический эффект создается театральностью поведения пошлого героя и других персонажей, значимыми именами — майор Стрекоза, граф Коркин, барон Кизель, — пародированием избитых фраз и выражений.

Эти приемы были характерны для сатирических и юмористических очерков натуральной школы.

«Именно к «физиологиям», причем к самой распространенной их разновидности — «чиновничьим физиологиям», относится очерк Гончарова... Этим очерком Гончаров твердо заявил о своей принадлежности к новому литературному направлению, неразрывно связанному с развитием демократической общественной мысли»²¹.

²⁰ Опубликован лишь в 1948 г. в журнале «Современник», № 1.

²¹ Деркач С. С. Цит. соч., с. 38—39.

Таким образом, первые литературные опыты в «домашнем кругу» майковского салона — своеобразное ученичество, в процессе которого преодолевалось новольное подражательство, увлечение романтизмом, нащупывался свой путь, свои темы и образы. Эти литературные опыты, не лишённые «литературщины» и «литераторства», привели будущего автора «Обломова» к реализму.

И. А. Гончаров считал себя учеником Пушкина и Гоголя «Школа пушкино-гоголевская, — писал он, — продолжается далее, и все мы, беллетристы, только разрабатываем завещанный ими материал» (8, 76). Однако к Гоголю он относился сдержанно: «Гоголь на меня повлиял гораздо позже и меньше; я уже писал сам, когда Гоголь еще не закончил своего поприща» (8, 77). Это субъективное мнение Гончарова не совсем верно. Не только в «Счастливой ошибке» и в «Иване Савиче Поджабрине» варьировались гоголевские мотивы и использовались гоголевские приемы реалистического письма, но и позже, в «Обыкновенной истории» и в «Обломове» влияние Гоголя было значительным²². Композиция первых глав «Обломова», приемы характеристики Ильи Ильича (внешность, описание деталей костюма, быта, подчеркивание типичности героя автором), беглые зарисовки эпизодических лиц (Алексеев, Пенкин, Волков, Судьбинский), пафос социального обличения — все это развитие гоголевских приемов и принципов творчества. У Гоголя воспринято и доведено до совершенства умение показать героя в повседневной обычной жизни, погруженным в быт, умение раскрыть характерность персонажей в связи с определенными социальными условиями и общественной средой.

У Пушкина, — как доказал А. Г. Цейтлин, — Гончаров учился совершенству художественной отделки произведений. Гончарова, — писал исследователь, — «плениют такие отличительные черты Пушкина, как величайшая гармония частей, глубокое соответствие формы содержанию. Пушкин для Гончарова — классик, обладающий величайшим чувством меры, труднейшим искусством вкладывать глубокое значение в предельно простую и сжатую форму»²³.

В процессе становления творческой манеры и овладения приемами реалистического письма формировалось мировоззрение будущего писателя. Известную роль в этом сыграл литературно-художественный кружок Н. А. Майкова. Гончаров разделял либеральные настроения членов кружка, но не принимал их эстетства и увлечения романтизмом.

Общение с людьми, бывавшими в салоне Майковых, позволяло знакомиться с интересами и веяниями в общественной и

²² См. Цейтлин А. Г. Указ. соч., с. 387—395.

²³ Там же, с. 389.

литературной жизни, наблюдать, сопоставлять различные точки зрения. С семьей Майковых Гончаров был связан, практически, всю жизнь. 30 апреля 1883 г. он писал Апполону Николаевичу в день его шестидесятилетия: «Вместе с этим юбилеем праздную про себя и другой, параллельный юбилей — нашей полувековой с Вами и со всем домом Вашим, от отцов и детей Ваших, дружбы, которая никогда и ничем не омрачалась, не охлаждалась и была всегда тепла, чиста и светла, как... Ваша поэзия» (8, 500).

В 40-е гг. Гончаров сблизился с кружком В. Г. Белинского. Для начинающего писателя В. Г. Белинский был не только литератором, критиком, публицистом, но и борцом против крепостного права, трибуном, будившим умы от непробудного сна²⁴. Позже Гончаров признавался, что разделял образ мысли Белинского относительно «свободы крестьян, лучших мер к проведению общества и народа, о вреде всякого рода стеснений и ограничений», но отрицательно относился к программе революционного преобразования крепостнической действительности, к социалистическим утопиям революционной демократии.

Не без влияния Белинского сложилось понимание задач критического реализма и ответственности литератора перед обществом²⁵. И не случайно замысел всех трех романов и их основная идея определились в 40-е гг., когда все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом, когда в мировоззрении Гончарова преобладали демократические тенденции.

По своим политическим взглядам Гончаров был либералом, просветителем, видевшим корень всех зол в крепостном праве, верившим в постепенный прогресс под руководством правительства. В 1856 г., полагая, что наступило время деятельной подготовки реформ, Гончаров стал цензором: «... мне предложено было место цензора — и я должен был его принять»²⁶. На позициях умеренного либерализма он остался и после 1861 г. Он приветствовал реформу, не понимая ее половинчатости, ее грабительской сущности. Ему казалось, что «из высших сфер правительства блеснули лучи новой, лучшей жизни» (8, 82), что «правительство стало (в главе прогресса)» (8, 151).

Такого рода умеренный либерализм в то время, когда произошло разграничение либерализма и демократии в общественной борьбе 60-х гг., объективно приобретал характер консервативности, что и сказалось отчасти в «Обломове», и в

²⁴ См.: Гончаров И. А. Собр. соч., т. 8, с. 41—64.

²⁵ О роли Белинского в идейно-творческом развитии Гончарова. См.: Пиксанов Н. К. Белинский в борьбе за Гончарова. «Учен. зап. Лeningr. ун-та», 1941, № 27.

²⁶ Гончаров И. А. Собр. соч., т. 8, с. 253.

«Обрыве». Эти романы вынашивались и писались «долго медленно и трудно», и все изменения в жизни и в идеологических позициях писателя так или иначе в них выразились.

У нас нет основания выделить этапы творческого развития Гончарова. Он предстал перед читателем сразу в своей цельности, творческая манера и мировоззрение его резко не менялись. Поэтому целесообразно остановиться на анализе трех романов и проследить, как отразилась в них эпоха 40-х—60-х гг. и достижения русского критического реализма, какую роль сыграли они в развитии жанра романа, какие новые пути в них намечались.

«ТАЛАНТ ЕГО НЕ ПЕРВОСТЕПЕННЫЙ НО СИЛЬНЫЙ, ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ»

(Белинский В. Г.)

Первый роман Гончарова отвечал духу времени: развитие новых буржуазных отношений обрекло на гибель мечтательный романтизм, мешавший трезвому пониманию действительности. Белинский в обзоре «Русская литература в 1845 году» предлагал писателям обратить внимание на романтических ленивцев, «вечно бездеятельных или глупо-деятельных мечтателей»²⁷.

Романтик-мечтатель и тема утраченных иллюзий не новы для русской литературы 50-х гг. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Герцен обращались к этой теме и показывали несостоятельность этих героев. Гончаровский Александр Адуев, в сущности, близок пушкинскому Ленскому.

В отличие от предшественников Гончаров полностью проследил эволюцию романтика и показал его обыкновенным человеком в обыкновенной жизни, в будничных обстоятельствах. «Моя главная и почти единственная цель в романе есть рисовка жизни простой, вседневной, как она есть или была»,—признавался писатель²⁸. Задача, действительно, трудная. В романе все внимание сосредоточено на душевных переживаниях заурядного человека. Александр не очень умен, не отмечен талантами, хотя не лишен способностей, ничем не выделяется из толпы подобных ему. Он легко увлекается и быстро остывает. Его не волнуют «вечные» вопросы, «Добро и зло», не интересуют политические события. Его не влечет общее дело, не трогает положение крепостных крестьян и судьбы народов и государств. Он мельче Ленского, у него нет точек соприкосновения с лишними людьми. Здесь иная типология.

²⁷ Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма, с. 261.

²⁸ Белинский В. Г. Собр. соч., т. 3, с. 820.

Отказавшись от фабульных эффектов, не скупясь на подробности, эпически широко воссоздает писатель типические обстоятельства, в которых сложился характер Александра. Он широк и деревенском поместье дореформенной России, среди старших дичи, густого шиповника, черемухи и кустов сирени. В поместье Грачи царили «тишина, неподвижность, благодатный воздух». Там Александр был «один всему голова». Все в доме и усадьбе, начиная с помещицы Анны Павловны Адуевой и кончая дворным псом Барбосом, казалось, и существовали только для того, чтобы Сашеньке легко и сытно жилось на свете. «Жизнь от пеленок ему улыбалась: мать лелеяла и баловала его, как балуют единственное чадо, нянька все пела ему над колыбелью, что он будет ходить в золоте и не знать горя; профессора твердили, что он пойдет далеко, а по возвращении домой ему улыбнулась дочь соседки. И старый кот Васька был к нему, кажется, ласковее, нежели к кому-нибудь в доме.

О горе, слезах, бедствиях он знал только по слуху, как знают о какой-нибудь заразе, которая не обнаружилась, но духом где-то таится в народе. От этого будущее представлялось в радужном свете» (1, 10).

В приведенном отрывке звучит уже тема обломовского воспитания, а упоминание о дворовом псе Барбосе и коте Васье придают всему иронический оттенок.

Обломовское воспитание, праздная жизнь и постоянное безделье развили в Александре «преждевременные сердечные склонности» и фантазию: «он мечтал о колоссальной страсти, которая не знает никаких преград... о вечной дружбе, о сердечных «излияниях», и, конечно, о славе... Трудиться ему казалось «странным», цель и счастье жизни мыслилось в «возвышенном существовании».

И хотя в поместье Грачи царили благодать и довольство, щедрое лето обещало до пятисот четвертей ржи, и пшенички, и гречихи, в лесу много дичи, и озеро с желтыми цветами манило гладью, Александра притягивала к себе... дорога. Ему тесен домашний мир, не волнуют красоты природы, он все чаще смотрит туда, где «между полем змеей вилась дорога и убегала в лес, дорога в обетованную землю, в Петербург» (1, 9). В этом сказалась главная примета времени — патриархальная замкнутость захолустья не удовлетворяет молодого человека, он рвется на главную арену деятельности — в столицу, чтоб там найти свою фортуны и свое счастье.

«Когда я писал «Обыкновенную историю», — вспоминал Гончаров в статье «Лучше поздно, чем никогда», — я, конечно, имел в виду и себя, и многих подобных мне учившихся дома или в университете, живущих по затишьям, под крылом добрых матерей, и потом отрывавшихся от неги, от домашнего очага, со слезами, с проводами... и являвшихся на главную арену деятельности, в Петербург» (8, 73).

Нагруженный деревенскими гостинцами,— с пачкой писем от провинциальных родственников и знакомых, Александр явился в столицу и поспешил обнять горячо любимого дядюшку, которого он никогда в жизни не видел...

Первое свидание с дядей (Петр Иванович брился и ловко уклонялся от объятий племянника), резкие отзывы дяди о провинциальных родственниках и знакомых (тетка «все такая же дура, как была 20 лет тому назад», «Заезжалов — осел»), суматоха на улицах, мрачный вид из окна комнаты — «одни трубы, да крыши, да черные грязные кирпичные бока домов», — все это настораживает и тяготит Александра, рассеивает его радужные надежды...

В Петре Ивановиче Адуеве в полной мере сказались понятия и веяния новой эпохи. Крупный делец-фабрикант и чиновник, он ограничен и лишен человеческой теплоты, сердечные порывы и чувства не свойственны ему. Деловой расчет, деньги, вес в обществе — вот что определяет его поступки и действия. Он умен, образован, сведущ не только в экономике, но и в искусстве, не лишен родственных привязанностей, рационалистичен, сух и черств. Бездушие Петра Ивановича — социальная особенность типа. Неслучайно бывший приятель Александра Пospelов наделен этими же качествами. В сущности такое же бездушие, но несколько прикрытое фразами о дружбе, будет и в Штольце.

Тип дельца уже был воссоздан Гоголем. Но Петр Иванович, в отличие от Чичикова, представлен не в исключительных обстоятельствах, а в обычном быту, он не выдающаяся личность, а «такой же человек, как и все» (1, 50).

Столкновение в романе племянника и дяди — это столкновение двух эпох, двух мироощущений: провинциального романтика дореформенной поры и буржуазного рационализма, расчетливости, бездушия. В результате бездушие и нравственное мещанство торжествуют, им ничто не противостоит. И дядя, и его окружение, и Александр, и его приятель Пospelов и многие вместе с ними «ловят фортуна» и делают карьеру. Все приспособляются к обстоятельствам и плывут по течению.

В постановке и решении главной проблемы романа, в раскрытии зависимости характеров персонажей и их поступков от социальной среды и жизненных обстоятельств Гончаров идет в русле натуральной школы и в то же время, осудив духовное мещанство, он выступает предшественником Помяловского и Чехова.

Александр — человек толпы, человек, каких много. И это знаменательно. Обратившись к такому герою, Гончаров показал, как менялся характер, поведение и образ мыслей среднего молодого человека под влиянием обстоятельств жизни.

В истории Александра Адуева как бы предоставляется слово самой жизни, а автор уходит на задний план. Он спо-

койно, не без подробностей, иногда с мягким юмором, повествует о происходящем, стремясь к полноте изображения фактов. Александр предстает перед читателем в двух планах: в сфере интимной жизни — дружественные, любовные, родственные отношения — и в сфере официальной, деловой: служебные обязанности, творческие начинания и неудачи. Эти сферы тесно связаны, определяют жизнь героя, с разных точек зрения обсуждаются и оцениваются то в интимных беседах с Лизанетой Александровной, женою дяди, то в горячих спорах с Петром Ивановичем.

Александр Адуев из «сумасброда» и «мечтателя» превратился в человека, «каких в Петербурге много», в самодовольного ограниченного карьериста. В сущности то же, видимо, но немного раньше, и, может быть в несколько иных частных ситуациях, произошло и с его приятелем Пospelовым.

Век такой. Человек идет на уровне с веком. Пережив гибель романтических иллюзий, пройдя через мучительные душевные и сердечные драмы, Александр ассимилируется в окружающей среде, приспособливается к новым условиям жизни, где нет места «искренним излияниям» и «особенным влечениям».

В первые же дни пребывания в Петербурге смущенный Александр обещал дяде «приноровиться к современным понятиям», слиться с разумно-деятельной толпой (1, 41). В эпилоге он становится подобием Петра Ивановича.

Белинский полагал, что такие романтики никогда не делаются положительными людьми, и считал неестественным такое превращение.

Но Александр не был, по-видимому, «романтиком по натуре». Иначе не приехал бы он в столицу за «фортуной и карьерой», не было бы в нем готовности «приноровиться» к толпе и ее понятиям, не выветрился бы романтизм так скоро! Замечательно и другое: практичный дядя сразу почувствовал в племяннике родственную душу. В разговоре с Александром он часто говорит: «нам», «нас», «подобные нам», и очень точно знает, что произойдет с очередным увлечением племянника, но что выльется его сумасбродство. Из реплик Александра становится очевидным, что в молодости Петр Иванович тоже был романтиком, вздыхал, хранил «вещественные знаки невестственных отношений».

Белинский хотел видеть Александра «мистиком, фанатиком, сектантом» или «славянофилом». Но, это уже была бы «необыкновенная история» и герой принадлежал бы к числу исключений. В задачу Гончарова входило показать явление массовое, широко распространенное, чтоб через него просвечивала эпоха.

Включая главное действующее лицо в различные социальные сферы: крепостная усадьба, деловой Петербург, «свет-

ское» общество — Гончаров показал, как каждое из них оставляет след в душе и характере Александра.

Крепостная усадьба сделала его романтиком. Холодная столица и служба убивали в нем порывы и мечтания; он «вскоре стал одною из пружин машины» и далее преуспел в службе. «Светские» увлечения опустошили его сердце.

Гончаров не ограничился изображением причин трансформации героя, он показал его изнутри — в душевных переживаниях, в интимной жизни. Общее влияние социальной сферы, нравственных норм, понятий переходит в частное, и частное, глубоко индивидуальное — сфера чувства, душевных движений — становится общим, типическим.

Важное место в романе, в плане раскрытия общего через частное, занимают женские характеры.

В «Обыкновенной истории» целая галерея женских характеров-портретов: провинциальная барышня Софья и старая дева Мария Горбатова, чадолюбивая и властная барыня Анна Павловна Адуева, умная и своевольная Наденька, истерически-восторженная Юлия, наивная Лиза — все это «живые, верные действительности создания»²⁹ иногда представленные в небольшом эпизоде (знаменитое письмо Марии Горбатовой).

В сюжетном движении романа ни одна из женщин не играет определяющей роли, все они служат раскрытию характера и эволюции основного героя, поэтому автора и не интересует их дальнейшая судьба. В то же время каждая показана достаточно полно и в каждой сказано движение времени и тогдашнее состояние общества. Не случайно Наденька Любецкая, не считаясь с мнением маменьки, по собственному выбору хочет выйти замуж, а Лиза, не спросив отца и ничего не зная об Александре, отдала ему свое сердце³⁰.

В четырех романтических историях заключены четыре фазы эволюции героя, а в иронических замечаниях дяди подчеркивается повседневность, множественность, закономерность подобных случаев.

Более двух лет провел Александр в Петербурге, но жизнь еще представлялась ему «полной неги и чего-то заманчивого, таинственного». Между тем, он уже служил в департаменте, его заметили и даже дали приличное место.

Его восторженность умерилась легким оттенком задумчивости, он стал допускать мысль, что в жизни «не все одни розы, а есть и шипы».

Встреча с Наденькой Любецкой и ее охлаждение замедлили процесс отрезвления героя. В своей первой любви Александр снова становится романтиком, мечтателем, вздыхателем.

²⁹ Белинский В. Г. Собр. соч., т. 3, с. 313.

³⁰ См.: Гончаров И. А. Собр. соч., т. 8.

Но все-таки жизнь брала свое. Измена любимой повергла Александра в пучину меланхолии и безнадежности.

Прошло еще четыре года. Александр привязался к труду. В романе с Юлией Тафаевой (он увидел в ней себя, как в зеркале) он играет роль любовника, сначала увлеченного, потом скучающего.

В истории с Лизой он готов сделаться соблазнителем наивной девушки.

В 35 лет он женится по расчету на приданом в пятьсот душ и триста тысяч денег и успешно делает карьеру по службе.

Влюбленный, любовник, соблазнитель, жених по расчету — вот вехи сердечного и духовного опустошения.

В. Г. Белинский отметил, как особенность таланта Гончарова, «необыкновенное мастерство рисовать женские характеры. Он никогда не повторяет себя, ни одна его женщина не напоминает собой другую, и все, как портреты, превосходные»³¹.

Указывая на обыденность этих персонажей, Белинский увидел особенные трудности в рисовке подобных типов: «В изображении таких плоских и пошлых лиц, лишенных всякой самостоятельности и оригинальности, иногда всего лучше высказывается талант, потому что всего труднее обозначить их чем-нибудь особенным»³².

Ни в одном романе до «Обыкновенной истории» не было такой степени сюжетной концентрации вокруг одного персонажа.

Все действия, события, споры сосредоточены вокруг главного героя; все лица подчинены ему. В такой композиции некоторые исследователи склонны видеть схематизм и рационалистичность Гончарова³³, примитивность выражения тенденции.

Между тем, в таком сюжете и при такой группировке персонажей (дядя — племянник, Александр — Наденька, Юлия Тафаева, Лиза, безымянная невеста с приданым; Петр Иванович — Лизавета Александровна) достигалась предельная композиционная централизация, пропорциональность, симметричность частей, гармоническая стройность романа.

Чтобы подчеркнуть симметричность и гармонию событий, усилить типичность обыкновенного, Гончаров не боится повторения ситуаций и даже деталей. Важно что они говорят читателю.

Прием повторений и возвратов к прошлому и сопоставле-

³¹ Белинский В. Г. Собр. соч., т. 3, с. 313—314.

³² Там же.

³³ Цейтлин А. Г. Цит. соч., с. 56—97.

ние прошлого с настоящим в разных вариантах использовался и в «Обломове».

Вот несколько примеров. Сначала жизнь представляется Александру гладким, прекрасным озером с желтыми цветами. К тридцати годам он «начал постигать поэзию серенького неба, сломанного забора, калитки, грязного пруда и трепака» (1, 290).

Отказ от мечтаний молодости выразился в отречении от озера, желтых цветов и других «вещественных знаков невещественных отношений».

В начале и в конце романа повторяются одни и те же движения, порывы, разговоры. Но эмоциональная оценка их иная и смысл другой: в первых сценах романа Александр от избытка чувств стремится обнять и поцеловать дядю, но Петр Иванович уклоняется; в конце романа, узнав о предстоящем выгодном браке племянника, дядя сам обнимает и целует его.

Хотя Петр Иванович не охотник давать деньги взаймы, но он много раз предлагал их племяннику и каждый раз наталкивался на отказ; только в конце романа Александр сам просит взаймы изрядную сумму в первый и последний раз!

Все время Петр Иванович иронически обыгрывает «дикую» речь племянника — «светлые волнения», «струна сердца», «высокая небесная награда», «сладостная нега», «волшебные прикосновения любви», «небесное блаженство» и т. п.

В конце романа Александр смеется над дядей, заговорившим в той же «дикой» манере о своем семейном горе.

Оказывается и Петр Иванович рвал желтые цветы и хранил «вещественные знаки невещественных отношений», вздыхал, писал чувствительные письма.., когда ему было 20 лет.

Двадцатилетнего Александра встретил умудренный опытом, насмешливый мужчина 35—40 лет, в расцвете сил. Через 15 лет, постаревший и удрученный болезнью жены, дядя, обнимая облысевшего и располневшего племянника, радуясь, что он пошел по его следам, констатирует: «...в тридцать с небольшим лет коллежский советник, хорошее казенное содержание, посторонними трудами зарабатываешь много денег, да еще вовремя женишься на богатой... Да, Адуевы делают свое дело! Ты весь в меня, только не достает боли в пояснице» (1, 313). Круг замкнулся, дядя и племянник — едины, один узнает в другом себя.

Казалось бы, адуевщина торжествует и победно идет вперед. Но Гончаров показал ее ущербность и внутреннюю несостоятельность. Сам того не понимая, Петр Иванович погубил прекрасную, благородную женщину, близкого и дорогого ему человека — свою жену. Лизавета Александровна стала жертвой расчетливости и делячества, она постигла, что вся жизнь ее мужа — суета сует, не одушевлена высокими идеалами, лишена порывов и искренних влечений. Она поняла трагедию

его и своей жизни и подчинилась бессмысленному существованию, нашла себе видимость дела...

Петр Иванович чувствует свою вину, но понять подлинную причину трагедии не может. Напутствуя племянника, он говорит: «Продолжай идти во всем по моим следам, только...» Но и этим «только» ничего не стоит.

В развитии событий круг снова замкнулся: дядя и племянник поменялись местами, в жизни Лизаветы Александровны повторилась история Александра, но с трагическим эпилогом. В этих поворотах судеб главных персонажей раскрывается внутреннее банкротство «адуевщины» как синонима бездушного рационализма, деячества, мещанской ограниченности.

Высоко оценил «Обыкновенную историю» В. Г. Белинский. Он поставил Гончарова рядом с крупнейшими писателями-реалистами 40-х—50-х гг. как зрелого мастера. Белинский отметил типичность персонажей романа, многоплановость раскрытия обыденных характеров, изящество и тонкость кисти художника, великолепный язык.

Подробно разбирая содержание романа и характеры основных героев в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года», критик подчеркнул, что гончаровские дядя и племянник — не абстрактные идеи, а живые лица, типичные фигуры. Через эти персонажи и их столкновения раскрываются общественные проблемы, важные для России 40-х гг., развенчивается романтизм в жизни и литературе. Основная тенденция романа — антидворянская, однако убедительно показана и ущербность «практической» философии Адуева-старшего.

Белинскому представлялось недостаточно обоснованным, жизненным, убедительным превращение Александра в конце романа в карьериста-чиновника и благоразумного приобретателя. Предлагая политически острое решение проблемы, в духе общественно-литературной борьбы 50-х гг., критик предпочел бы видеть Александра защитником реакционного романтизма, славянофилом. Видимо, в данном случае В. Г. Белинский не оценил всей широты обобщения, выраженной в этой обыкновенной, повседневной, распространенной истории обыкновенного, заурядного, среднего, весьма ограниченного, не очень цельного и не очень настойчивого человека. Человека толпы в полном смысле слова. Вся жизнь героя, его переживания, любовные увлечения, неглубокие и наигранные (он постоянно играет роль и как бы наблюдает себя со стороны), разочарования и отрезвления, и, наконец, решение «делать карьеру и фортуна практически, без глупостей и «желтых цветов» — все это типично и во всем этом сказалось влияние гогазовской традиции, здоровая тенденция сближения литературы с повседневной жизнью, с «низкой» действительностью. Указав на сознательное отношение автора к изображаемому, на беспощадное разоблачение романтизма и «адуевщины»,

Белинский несколько преувеличил в то же время «бесстрастность» Гончарова, его художническую объективность: «Он поэт, художник,—и больше ничего. У него нет ни любви, ни вражды к создаваемым им лицам, они его не веселят, он не дает никаких нравственных уроков ни им, ни читателю, он как будто думает, кто в беде, тот и в ответе, а мое дело сторона. Из всех нынешних писателей он один, только он один приближается к идеалу чистого искусства, тогда как все другие отошли от него на неизмеримое пространство—и тем самым успевают... у г. Гончарова нет ничего, кроме таланта,—он больше, чем кто-нибудь теперь, поэт-художник»³⁴.

В. Г. Белинский не понял до конца своеобразия творческой позиции писателя, предпочитавшего говорить с читателями образами.

В. Г. Белинский в своем отзыве о первом романе Гончарова специально остановился на диалогах героев и на языковом стиле писателя.

«Рассказ Гончарова... живая импровизация. Некоторые жаловались на длинноту и утомительность разговоров между дядею и племянником. Но для нас эти разговоры принадлежат к лучшим сторонам романа. В них нет ничего отвлеченного, не идущего к делу, это — не диспуты, а живые, страстные, драматические споры, где каждое действующее лицо высказывает себя, как человек с характером, отстаивает, так сказать свое нравственное существование»³⁵.

Речевые характеристики Петра Иваныча и Александра предельно выразительны и динамичны. Короткие фразы дяди четки и ясны, он не только высмеивает «дикую» речь племянника, но и остроумно пародирует ее, обнажая несуразность, выспренность, книжность и двусмысленность иных красивых фраз (ср. письмо приятелю в редакции Александра и дяди) (I, 44—45, 49—51).

Речь Александра метафорична, обильно насыщена тропами и книжными выражениями, романтическими штампами. Повторения одних и тех же выражений, лексическая и стилистическая тавтология усложняют его речь, делают наивной и смешной. Такому «красноречию» учили Александра в университете профессора эстетики.

Диалоги в романе — живые, юмористические сценки, где часто слово сопровождается движением, жестом.

Текстуальный анализ речи героев, диалогов, авторских замечаний, языковых изобразительно-выразительных средств позволяет выявить некоторые особенности речевой манеры автора. Его слог в «Обыкновенной истории» экономен, динамичен, выразителен. Он осторожно использует выразительные

³⁴ Белинский В. Г. Собр. соч., т. 3, с. 813.

³⁵ Там же, с. 380.

простота языка, почти отказывается от тропов, предпочитает простые предложения—все это приближает его речь к диалогической, разговорной. «К особенным его достоинствам, — писал Белинский, — принадлежит, между прочим, язык чистый, правильный, меткий, свободный, льющийся»³⁶.

Гончаров — блестящий стилист. Он настолько тонко чувствует многозначность слова, богатство оттенков выражения, что некоторые из них, обыгранные в романе, были использованы впоследствии другими писателями³⁷.

«Обыкновенная история» — не только первое зрелое, самостоятельное произведение, получившее высокую оценку в критике и у читателей, завершение этапа ученичества, плод раздумий, но и значительная заявка на дальнейшее. В романе начата разработка темы «обломовщины», которая определит все содержание второго романа «Обломов» и сильные стороны «Обрыва»; здесь наметились типы основных героев, которые получают дальнейшее развитие, намечена структура так называемого «монографического» романа и основные черты стиля писателя.

Успех первого романа окончательно определил направление деятельности Гончарова: отныне все его силы принадлежали литературе. К литературно-художественному творчеству он отнесся со всей серьезностью, в нем увидел смысл и цель всей своей жизни.

Сразу же в 1847 г. он начинает работать над новым произведением и в 1849 г. публикует отрывок из будущего романа «Сон Обломова».

После посещения Симбирска в 1849 г. возникает замысел «Обрыва».

ВОКРУГ СВЕТА

В 1852 г. осуществилась юношеская мечта И. А. Гончарова. Получил предложение принять участие в кругосветном плавании на фрегате «Паллада» в качестве секретаря начальника экспедиции адмирала Путятина. И. А. Гончаров охотно согласился на трудное путешествие, и, видимо, сразу же возникла мысль о создании нового произведения: «Я полагаю, — писал он В. А. Языковой, — что если бы запаса всеми впечатлениями такого путешествия, то может быть прожил бы остаток жизни повеселее. Потом, вероятно, написал бы книгу, ко-

³⁶ Белинский В. Г. Собр. соч., т. 3, с. 830.

³⁷ М. П. Салтыков-Щедрин, например, в «Губернских очерках» определял стилистическое как «невещественных отношений вещественное изображение».

торая во всяком случае была занимательна, если б я даже просто, без всяких претензий литературных, записывал только то, что увижу»³⁸.

Угнетала писателя и общественная атмосфера переходных 50-х гг., жизнь казалась бесперспективной, русская действительность безысходной. И важно было для самого себя определить свою позицию в обстоятельствах переходного периода, предшествующего революционному подъему 60-х гг. В очерках об этих настроениях он уже пишет с присущим ему метким юмором: «Мысль ехать как хмель туманила голову, и я беспечно и шумливо отвечал на все предсказания и предостережения, пока еще событие было далеко. Я все мечтал — и давно мечтал — об этом вояже, быть может, с той минуты, когда учитель сказал мне, что если ехать с какой-нибудь точки безостановочно, то воротиться к ней с другой стороны; мне захотелось ехать с правого берега Волги, на котором я родился, и воротиться с левого; хотелось самому туда, где учитель указывает быть экватору, полюсам, тропикам» (2, 13).

В шутовском заявлении и определенная литературная позиция: не фантазировать, не выдумывать, не сочинять, а убедиться в том, что есть и как оно есть. С первых страниц Гончаров противопоставил себя романтикам, и во всем дальнейшем повествовании он ведет активную полемику с ними, мягко высмеивая принципы романтического творчества и несостоятельность романтического мировоззрения.

Гончаров посетил Англию, острова Зеленого Мыса, Южную Африку, Малайские острова, Филиппины, Шанхай, Японию. Назад вернулся через Сибирь. Путешествие продолжалось около двух с половиной лет. Гончаров — единственный из писателей-классиков XIX в. совершил такое трудное и длительное плавание.

В экспедиции он вел путевой журнал, делал заметки, писал письма друзьям и знакомым. Все эти материалы составили основу будущего произведения.

По возвращении он напечатал отдельные очерки в разных журналах³⁹. В 1855 г. появилась его книга «Русские в Японии в конце 1853 года и в начале 1854».

В 1853 г. вышли два тома очерков под названием «Фрегат Паллада». В конце жизни Гончаров написал очерки «Через двадцать лет» (1874) и «По восточной Сибири» (1891), по содержанию связанные с путешествием.

«Фрегат Паллада» напоминает очерки путешествий, кото-

³⁸ Гончаров И. А. Письмо Е. А. Языковой, сентябрь, 1852. «Литературное наследство», 1938, т. 53, с. 344.

³⁹ В «Современнике», «Отечественных записках», в «Русском вестнике» и в «Морском сборнике».

рые печатались в русских журналах в 40-е и 60-е гг.⁴⁰, и резко отличается от них самобытным содержанием и оригинальной формой. Это, в полном смысле слова, художественное произведение. Автор поставил перед собой задачу рассказать о виденном и слышанном, о своих впечатлениях и переживаниях, не отказываясь от игры воображения. «Голых фактов я сообщать не желал бы: ключ к ним не всегда подберешь, и потому поневоле придется освещать их светом воображения» (0, 37).

Гончарова не увлекают географические и исторические подробности, фактический материал научного характера (за этим он иногда отсылал читателя к специальным работам и справочникам), памятники культуры, искусства, этнографические приметы. Он ходил среди людей, вглядывался в них, стремясь проникнуть в сущность жизни, понять народ и страну изнутри. Вслушивался в звучание разноязычной речи, подмечал оттенки выражения лиц и особенности поведения, постигая психологию туземца или хитрого, внешне лествивого японца и чуждавшегося всего европейского китайца.

И в этом, казалось бы, самом необыкновенном произведении, где предстали перед читателем экзотические острова, Африка, загадочные страны востока, Гончаров остается верен принципам, провозглашенным в первом романе — уловить и показать повседневное, будничное, обыкновенное и не идти за романтиками (ничего не приукрашивать, не приувеличивать, не искать героев, чудес, исключительности). Так он отказывается изображать бурю на море, предоставляя это романтикам, зато с удобольствием рисует океан в тихую погоду, сопоставляя его покой с тишиной захолустных чухонских пейзажей. Наличие яркие, пестрые, броские краски оскорбляют эстетическое чувство писателя и, как бы посмеиваясь над романтиками, свое первое знакомство с океаном он передает так: «Я целое утро не сходил с юта. Мне хотелось знакомиться с океаном. Я уже от поэтов знал, что он «безбрежен, мрачен, угрюм, беспределен, неизмерим и не укротим», а учитель географии сказал некогда, что он просто — Атлантический. Теперь я далеко вглядывался в его физиономию» (2, 76).

Много раз автор повторяет, что чудес вообще уже нет: «... чудеса выдохлись, праздничные явления обращаются в будничные, да и сами мы уже развращены ранним и заочным зрелищем так называемых чудес мира» (2, 109). «... Я сказал, что их нет, этих чудес: путешествия утратили чудесный характер. Я не сражался со львами и тиграми, не пробовал человеческого мяса. Все подходит под какой-то прозаический уро-

⁴⁰ Боткин В. П. Письма об Испании. Спб., 1857; Вышеславцев А. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857 г. Спб., 1867.

вень» (2, 18). Иногда Гончаров издевается над романтиками и их пристрастием ко всему «красивому». Увидев чудесную поляну, он иронизирует: «романтики тут же объявили, что хорошо бы приехать сюда на целый день с музыкой»... «с закуской и обедом», — прибавили положительные люди» (3, 199). Подобные примечания постоянно встречаются в «Очерках» и свидетельствуют о сознательной, продуманной защите принципов реализма и последовательном развенчании романтизма.

«Фрегат Паллада», по единодушному мнению читателей и критиков, — самое откровенное произведение писателя. Сам автор — рассказчик присутствует в каждом очерке, и его позиция, оценка явлений и событий, его юмор и меткая ирония придают целостность и единство всему циклу.

Образ рассказчика в «Фрегате Паллада» несколько не героизирован и совсем не похож на восторженного путешественника, каким он предстал у Карамзина⁴¹. Это обыкновенный человек, любит покой, комфорт, осторожен, намного ленив, любопытен в меру, ироничен, наблюдателен, не становится в позу и не любит уделять много внимания своей персоне. «Никогда еще в литературе о путешествиях не было столь «обыкновенного» героя, чуждого какой бы то ни было романтизации», — справедливо замечал А. Г. Цейтлин⁴².

Путешествие не было лишено ни трудностей, ни опасностей, от команды и самого автора-рассказчика требовались и смелость, и сообразительность, и даже героизм. Но авторская позиция такова, что в очерках нет ни одного подвига, ни одного интригующего или опасного происшествия. Даже «страшное» и «опасное» раскрывается реалистически-трезво: «Страшные» и «опасные» минуты — это не синонимы, как не синонимы и самые слова «страх» и «опасность» вообще, на море особенно. Страшных минут для иных вовсе не существует, для других их множество... Новичку все кажется страшно или сомнительно на корабле. «Пошел всех на верх!» — командует боцман, и 400 человек бросятся как угорелые, точно спасать кого-нибудь или сами спастись от гибели, затопают по палубе... не знающий дела или нервозный человек вздрогнет, подумает, что случилась какая-нибудь беда. Ничего не бывало: надо убавить или прибавить парусов, или что-нибудь в этом роде... Другое дело «опасные» минуты: они не часты, и даже иногда вовсе не заметны, пока опасность не превратится в прямую беду... О многих «страшных» минутах я подробно писал в своем путевом журнале, но почти не упомянул об «опасных»: они

⁴¹ Проследивая литературные традиции в очерках, В. Шкловский отрицает влияние на Гончарова Карамзина (См.: Шкловский В. Заметки о прозе русских классиков. М., 1955). А. Г. Цейтлин считает, что Гончаров полемизирует с Карамзиным (См.: Цейтлин А. Г. Указ. соч., с. 136—138).

⁴² Цейтлин А. Г. Цит. соч., с. 138.

не сделали на меня впечатления, не потревожили нерв — и я любил их или... прозевал испугаться, оттого, вероятно, прозевал и описать» (3, 419—420). Между тем плавание было опасным и трудным из-за плохого состояния фрегата и слабо обученной команды. На людей обрушивались болезни, нехватало пищи и пресной воды; началась русско-турецкая война, и все время приходилось опасаться нападения кораблей противника. Адмирал всерьез готов был в случае необходимости потопить фрегат.

Гончаров не воспроизвел опасностей и подвигов, не стремился поразить изображением диковинной для русского жизни и природы южных островов, а показывал типическое в бытовом, следуя реалистическому пониманию художественной правды. В статье «Лучше поздно, чем никогда», он писал: «Художник создает подобие правды, то есть наблюдаемая им правда отражается в его фантазии, а он переносит эти отражения в свое произведение. Это и будет художественная правда. Следовательно, художественная правда и правда действительности — не одно и то же.

Мнение, перенесенное целиком из жизни в произведение искусства, потеряет истинность действительности и не станет художественною правдою» (8, 106).

В своих описаниях, жанровых сценах, в многочисленных бытописаниях и размышлениях, создавая подобие жизни, Гончаров оставался последовательным реалистом.

Реалистические пейзажи в очерках покоряли мастерством изображения истинной красоты, новизной сравнений, искренностью непосредственного восприятия. Вот два гончаровских пейзажа. Они разные, но удивительно точные, правдивые, впечатляющие даже современного читателя, много видевшего и читавшего

«Весь берег усеян раковинами. Кроме сосны, около деревень росли разные деревья, которые я до сих пор нигде не видел. У одного зелень была не зеленая, а пепельного цвета, у другого слишком зеленая, как у молодого лимонного дерева, потом были какие-то совсем голые деревья, с усохшим серым стволом, с усохшими сучьями..., но на этом сером стволе и сучьях росли другие, посторонние кусты, самой свежей весной зелени. Красиво, но и страшно: неестественность, натяжка, точно парумяненная и разряженная старуха!» (3, 312—313).

«...Море... Здесь я в первый раз понял, что значит «синее» море, а до сих пор я знал об этом только от поэтов. Синий цвет там, у нас, на севере, праздничный наряд моря. Там есть и него другие цвета, в Балтийском, например, желтый, в других морях зеленый, так называемый аквамаринный. Вот наконец и вижу синее море... Это не слегка сверху окрашенная вода, а густая яхонтовая масса, одинаково синяя на-солнце

и в тени. Не устанешь любоваться, глядя на роскошное сияние красок на необозримом окружающем нас поле вод» (2, 112).

Ко всему новому и доселе невиданному рассказчик подходит весьма своеобразно: он всматривается в окружающее и сопоставляет все со своим, русским, родным. И с тем своим, родным он не может расстаться ни на мгновение, он везде и всюду чувствует себя русским человеком, поэтому и фрегат, и его команда, мыслится как кусочек России: «Нас пятьсот человек: это уголок России».

Гончаров все время проводит параллели между своим и чужим, всюду несет с собой образ родины и в самых отдаленных странах или среди океана чувствует себя на фрегате, как в родной русской деревне: «Мы так глубоко вросли корнями у себя дома, что куда и как надолго бы не заехал, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах, и никакие океаны не смоят ее» (2, 73).

По этой причине жизнь расчетливого англичанина воскрешает в памяти образ русского обломовца (2, 66—68), или контрастно бушующей красками природе южных островов автору видится длинный ряд «бедных изб, до половины занесенных снегом. По тропинке с трудом пробирается мужичок в заплатах...»

«Фрегат Паллада» трудно уложить в определенные жанровые рамки. При сопоставлении с отзывами об экспедиции других участников путешествия, становится ясно, что Гончаров подошел к материалу изображения не как бесстрастный летописец или сторонний наблюдатель, а как художник. Его долго мучили сомнения о форме будущего произведения, о позиции автора. Изучив историю создания очерков, исследователь их Б. М. Энгельгардт обратил внимание на творческий процесс писателя: «Ведь он не просто путешественник, ведущий беспристрастную запись пережитого, он литератор, художник, «артист», с которого спросят не простой отчет об испытанном, но художественное описание. Он обязан дать не беспорядочный дневник, но стройную картину с гармоничным распределением частей и искусной выборкой материала. Задача сложная, не менее сложная, чем создание... повести или даже романа. Вот почему, еще никуда не уехав и ничего не увидев, он уже спрашивал себя, что и как описывать. Ему надо заранее определить свое отношение к материалу — свой художественный подход к нему: для поэтического претворения этого материала ему нужна какая-то литературная установка, литературный замысел»⁴³. Итак, был замысел, были сомнения, были поиски формы, поиски авторской позиции. Это не

⁴³ Энгельгардт Б. М. «Фрегат Паллада». «Литературное наследство», 1935, т. 22—24, с. 329.

«проба пера», не развлечение, не «отдых от прежней деятельности», как думал критик Дружинин.

К каким жанровым формам отнести это своеобразное произведение, вызывающее интерес у читателей до сегодняшнего дня и множество споров в критике о его специфике?

Решить вопрос о своеобразии жанра «Фрегат Паллада» чрезвычайно трудно. Жанр путешествия не обладает твердыми, традиционными формами, о чем говорил еще и Гончаров: «Нет звуки о путешествиях: авторитеты, начиная от Аристотеля до Ломоносова включительно, молчат; путешествия не входят под ферулу риторики, и писатель свободен пробираться и подра гор или опускаться в глубину океанов, с ученой пылкостью, или, пожалуй, на крыльях вдохновения скользить по ним быстро и ловить мимоходом на бумагу их образы; описывать страны и народы исторически, статистически или только посмотреть, каковы трактиры — словом, никому не отведено столько простора и никому от этого так не тесно писать, как путешественнику» (2, 18).

«Фрегат Паллада» трудно уложить в определенные жанровые рамки.

Это — произведение своеобразного синтетического жанра: здесь есть очерки этнографические с элементами статистики и художественного вымысла, воспоминания и дневниковые записи, длинные задушевные письма к друзьям, жанровые сценки и сюжетные рассказы и новеллы, бытописательные повести, например о приемах в Нагасаки, обеде, переговорах («Русские в Японии»).

Преобладание эпистолярной формы оправдывает присутствие автора, позволяет непосредственно передать личные впечатления и мысли. В письмах уместны воспоминания, отступления, контрастные сопоставления, ирония. Изложение впечатлений и итогов наблюдений живое, легкое, картины яркие и необыкновенно колоритные, поэтому и сегодня очерки читаются с захватывающим интересом. Вот одна сценка в сопоставлении с описанием аналогичного факта современным советским автором.

У японцев своя манера сидеть. В отличие от других народов, которые издревле пользуются скамьями, стульями или креслами, японцы предпочитают сидеть прямо на земле, на полу. Привычка или, как сами японцы говорят, искусство сидеть на полу превратилось у них в своеобразный культ. Располагаясь на полу, они испытывают удобств нисколько не меньше, чем европейцы в мягком кресле. Они обычно сидят, подобрав под себя ноги⁴⁴.

⁴⁴ Федоренко А. Японские записки. «Новый мир», 1966, № 7, с. 163—164.

«Вы там, в Европе, — пишет Гончаров своим друзьям, — хлопчете в эту минуту о том, быть или не быть, а мы целые дни бились над вопросом: сидеть или не сидеть, стоять или не стоять, потом как и на чем сидеть и т. п. Японцы предложили сидеть по-своему, на полу, на пятках. Станьте на колени и потом сядьте на пятки — вот это и значит сидеть по-японски. Попробуйте, увидите, как ловко, пяти минут не просидите, а японцы сидят по несколько часов. Мы объявили, что не умеем так сидеть: а вот не хочет ли губернатор сидеть по-нашему, на креслах? Но японцы тоже не умеют по-нашему, а кажется чего проще? с непривычки у них затекают ноги. Припомните как угощали друг друга Журавель и Лисица, это буквально одно и то же» (3, 36).

В этой легкости, мягком юморе, литературных ассоциациях весь автор очерков. А как хороша его живая речь! И насколько содержательнее гончаровский отрывок: из него мы узнаем не только о традициях японцев, но и о самом художнике, о своеобразной манере его письма, о спорах и заботах друзей, о их литературных интересах. Это не просто описания сами по себе, а как бы наброски каких-то небольших сюжетных отрывков. И Гончаров не просто описывает увиденное. Он почти в каждом случае пытается познать явления и их причины и следствия. «Обычай сидеть на пятках, — продолжает он, — происходит у них, будто бы, как я читал где-то, оттого, что восточные народы считают неприличным показывать ноги, особенно перед высшими лицами. Не думаю: по крайней мере, сидя на наших стульях, они без церемонии выказывают голые ноги выше, нежели нужно, и несколько этого не смущаются. Пусть они не считают нас за старших, но они воздержались бы от этого по привычке, если бы она у них была. Вся разница в восточной манере сидеть от нашей произошла, кажется, от простой и самой естественной причины. В Европе не жарко: мы ищем света и строим дома с большими окнами, сидим на возвышении чтобы быть ближе к свету: там нужны стулья и столы. В Азии, напротив, прячутся от солнца; от этого окошек почти нет. Зачем же им в полупотемках громоздиться на каких-то хитропридуманных подставках, когда сама природа указывает возможность сесть там, где стоишь?» (3, 58).

Многообразие тем, колоссальный материал, острая наблюдательность и склонность автора к анализу и выводам обусловили постановку большого количества важных и актуальных проблем в произведении.

Центральная тема очерков — человек и его многообразный осмысленный труд: «Как берег ни красив, как ни любопытен, но тогда только глаза путешественника загораются огнем радости, когда они завидят жизнь на берегу» (3, 332).

Тема океана занимает большое место в очерках, но и эта

могучая стихия — сфера проявления и мужества и трудолюбия человека (быт и служба на фрегате, труд рыбаков и т. д.).

Одна из центральных проблемных тем произведения — историческое развитие общества, повсемерное наступление капитализма и его стремление все подчинить своему владычеству⁶⁶. Даже жители далеких Ликейских островов уже развращены буржуазной «цивилизацией», хотя здесь, по видимости, еще сохраняются патриархальные, феодальные порядки. «...Что такое Ликейские острова?... Да, это идиллия, брошенная посреди бесконечных вод Тихого океана... Люди добродетельны, питаются овощами и ничего между собой кроме учтивостей, не гонорят; иностранцы ничего, кроме дружбы, ласк да земных поклонов, от них добиться не могут. Живут они патриархально, толпой выходят на встречу путешественникам, берут их за руки, ведут их в дома и с земными поклонами ставят перед ними избытки своих полей и садов... Что это? где мы? среди древних пастушеских народов, в золотом веке? Ужели Феокрит в самом деле прав?» (3, 191—192). Но восхищаясь первобытным младенчеством жителей, Гончаров понимает, что таким спокойно-безмятежным не может быть человечество во второй половине XIX в. Патриархальная жизнь в недалеком будущем прекратит свое существование. «Возделанные поля, чистота хижин, сады, груды плодов и овощей, глубокий мир между людьми — все свидетельствовало, что жизнь доведена трудом до крайней степени материального благосостояния; что область ума и духа цепенеет еще в сладком, младенческом сне, как в первобытных языческих пастушеских царствах; что жизнь эта дошла до того рубежа, где начинается царство духа, и не пошла далее... Но все готово: у одних дверей стоит религия, с крестом и лучами света, и кротко ждет пробуждения младенцев; у других — «люди Соединенных Штатов», с бумажными шерстяными тканями, ружьями, пушками и прочими орудиями новейшей цивилизации» (3, 198).

Лишь в Корее, Японии и Китае, еще незыблемы феодальные устои. Правящие верхи боятся общения с внешним миром, тщательно сохраняют старые, традиционные нормы жизни. Япония как бы застыла в своей национальной обособленности. Но наблюдательный рассказчик подметил, что у некоторых японцев «бродит что-то в голове, сознание и потребность чего-то лучшего против окружающего. В этих людях будущность Японии» (3, 92).

Хотя Япония еще противилась процессу исторического прогресса, Гончаров, посетивший страну за 14—15 лет до происшедшей там в 1868 г. буржуазной революции, блестяще показал ее необходимость.

⁶⁶ См.: Цейтлин А. Г. Указ. соч., с. 126—134.

Обращаясь от «чужого» к «своему», Гончаров в отдельных сценах, деталях, разбросанных по всему произведению, создает историчный образ обломовской России. И фрегат — крепостная Россия в миниатюре: здесь матросов не считают людьми. Они много и тяжело работают, пищу дают им грубую и скудную; каждый может получить затрещину и быть высеченным. Матросы — простые мужики. Они темные, невежественные, безразличны и равнодушны к окружающему⁴⁶. «Это простое равнодушие в самом незатейливом смысле. С этим же равнодушием он, то есть Фадеев, — а этих Фадеевых легион, — смотрит на новый прекрасный берег, и на невиданное им дерево, человека — словом, все отскакивает от этого спокойствия, кроме одного ничем не сокрушимого стремления к своему долгу — к работе, к смерти, если нужно» (2,84). Русский человек создан для труда, для него никогда не кончающегося. Этим исчерпывалось его существование. С горечью рассказывает автор о невежестве матросов, об отсутствии элементарных интересов. «Где мы?» — спросил я однажды, скуки ради, Фадеева. Он косо и подозрительно поглядел на меня, предвидя, что вопрос сделан не даром. «Не могу знать», — говорил он, оглядывая своим равнодушием стены. «Это глупо не знать, куда приехал». Он молчал. «Говори же». «Почем я знаю?» — «Что ж ты не спросишь?» — «На что мне спрашивать?» — Воротишься домой, спросят, где был; что ты скажешь? Слушай же: я тебе скажу, да, смотри, помни. Откуда мы приехали сюда?» Он устремил на меня глаза с намерением во что бы то ни стало понять, чего я хочу, по возможности удовлетворить меня; а мне хотелось навести его на какое-нибудь соображение. «Откуда приехали?» — повторял он вопрос. «Ну да?» — «Из Англии». — «А Англия-то где?» Он еще больше косо стал смотреть на меня. Я вижу, что мой вопрос темен для него. «Где Франция, Италия?» — «Не могу знать». — «Ну, где Россия?» — «В Кронштадте», — проворно сказал он. «В Европе, — поправил я, — а теперь мы приехали в Африку, на южный ее край, на мыс Доброй Надежды. — «Слушаю-с». — Помни же!» (2, 136—137).

В противоположность Востоку и феодально-крепостнической России буржуазная Англия являла наиболее высокую ступень исторического развития. К изображению Англии Гончаров подошел с позиций трезвого реализма. Ему понравились успехи цивилизации и торговли, создающие удобства и комфорт, размеренность и сдержанность жизни Лондона (хотя об этом говорится не без иронии), внешний порядок. Общество, по-видимому, благоденствует, везде законность, добродетель, филантропия, но «от бедности гибнут не только отдель-

⁴⁶ См.: Гончаров А. И. Собр. соч., т. 2, с. 136—137.

ные лица, семейства, но целые страны под английским управлением» (2, 47), — замечал Гончаров. Английский деловой человек, прозаическая фигура в темном костюме, с зонтиком, несет миру не только плоды цивилизации, но развращает и одурманивает народы, натравливает людей друг на друга, продает яд и наркотики, и все это ради наживы, ради обогащения. С подвластными народами англичане держатся «повелительно-грубо» или «холодно-презрительно».

Лживость, лицемерие, хищничество, позорное благополучие, построенное на несчастьи и жесточайшем угнетении целых народов, — все это несет в себе капитализм. Порядки, нравы господствующих сословий таковы, что сам делец превращается в бездушный механизм, действующий только по расчету. «Новейший англичанин не должен просыпаться сам; еще хуже, если его будит слуга: это варварство, отсталость, и притом слуги дороги в Лондоне. Он просыпается по будильнику. Умывшись посредством машинки и надев вымытое паром белье, он садится к столу... и готовит себе, с помощью пара же, в три секунды бифштекс или котлету и запивает чаем, потом принимается за газету... иначе он будет глух и нем целый день. Кончив завтрак, он по одной таблице припоминает какое число и какой день сегодня, спрашивается, что делать, берет машинку, которая сама делает выкладки: припоминать и считать в голове неудобно. Потом идет со двора... Ему надо побывать в банке, потом в трех городах, поспеть на биржу, не опоздать в заседание парламента. Он все сделал благодаря удобствам. Вот он, поэтический образ, в черном фраке, в белом галстуке, обритый, остриженный, с удовольствием, то-есть с зонтиком под мышкой, выглядывает из вагона, из кеба, мелькает на пароходах, сидит в таверне, плывет по Темзе, бродит по музею, скачет в парке! В промежутках он успевает посмотреть травлю крыс, какие-нибудь мостки, купил колодки от сапог дюка. Мимоходом съел высиженного паром цыпленка, внес фунт стерлингов в пользу бедных. После того, покоившись сознанием, что он прожил жизнь по всем удобствам, что видел много замечательного, что у него есть дюк и паровые цыплята, что он выгодно продал на бирже партию бумажных одеял, а в парламенте свой голос, он садится обедать и, остав из-за стола не совсем твердо, вешает к шкафу и бюро неотпираемые замки, снимает с себя машинкой сапоги, заводит будильник и ложится спать. Вся машина запыхает» (2, 66—67).

В то же время Гончаров не всегда сочувствовал борьбе колоний за национальную самостоятельность. Черное население Мыса Доброй Надежды, казалось ему, находится в детском возрасте, и поэтому, они «кусают пекущуюся о них руку» колонистов, которые же выступают как учителя, попечители, вестники цивилизации. Аналогично он считал положительным за-

селение Сибири русскими, хотя сетовал по поводу того, что русские все отобрали у якутов и якутам нечего есть.

В этих разноречивых суждениях сказались ограниченность, непоследовательность мировоззрения Гончарова: он не понимал того, что капитализм по самой своей сущности противоречив и извращает все и вся, все и вся превращая в предмет купли и продажи.

Поставив вопрос об историческом развитии человечества, всем содержанием произведения Гончаров показал, что возврата к прошлому не может быть: даже народы Востока, Африки и Азии уже вышли из состояния патриархальной замкнутости. Безмятежно-спокойная жизнь, когда «область ума и духа цепенеет еще в сладком младенческом сне, как в первобытных языческих пастушеских царствах», дошла до рубежа, за которым начинается пробуждение. И об этом уже «заботятся» «люди Соединенных Штатов» в Англии с их «тканями, ружьями, пушками и прочими оружиями новейшей цивилизации» (3, 198).

Гончаров поверил в прогресс, но не мог безоговорочно принять капитализм с его жестокостью, цинизмом, бесчеловечным угнетением, с его враждебностью красоте, поэзии, гуманности.

Само путешествие и его осмысление помогло писателю уяснить свое отношение к крепостной России, осознать историческую миссию обломовых и штольцов, образы которых занимали его во время долгого плаванья.

В «Фрегате Паллада» ясно выразились литературные взгляды и пристрастия автора, его вкус, живой интерес к окружающему и особенно к людям, наблюдательность, удивительное умение глубоко понять человека и нарисовать типический характер. В этом произведении Гончаров по-своему увидел и показал страны Востока и Африки. Показал так, что его книга и сегодня сохранила познавательное и воспитательное значение.

«Путешествовать с наслаждением и пользой, — писал Гончаров, — значит пожить в стране и хоть немного слить свою жизнь с жизнью народа, который хочешь узнать: тут непременно проведешь параллель, которая и есть искомый результат путешествия. Это вглядыванье, вдумывание в чужую жизнь, в жизнь ли целого народа или одного человека, отдельно, дает наблюдателю такой общечеловеческий и частный урок, какого ни в книгах, ни в каких школах не отыщешь» (2, 47).

С одной стороны, «Фрегат Паллада» — дальнейшее развитие физиологического нравоописательного очерка, основу поэтики которого составляет проникновение в некие будничные углы, но не Петербургские, а африканские, азиатские, японские, английские — в своего рода «мировой угол». С другой, по содержанию и форме «Фрегат Паллада» не укладывается

и жанровые рамки очерка и местами напоминает роман. Добролюбов отметил в этом произведении «голос поэта, эпического романиста», все подвергающего анализу и стремящегося к социальной и исторической детерминации изображаемого. «Из ограниченного круга предметов, подлежащих наблюдению, автор обратил исключительное внимание на то, что влекло его к себе с особенной силой, как человека и поэта народного по преимуществу, начиная от природы, которую он подверг такому осязательному анализу, полному действительного блеска и аромата, и кончая простым матросом, костромским парнем, перенесенным под тропическое небо»⁴⁷, писал критик, соглашаясь с издателем очерков.

Произведение Гончарова было положительно встречено современной ему критикой. Высоко оценил его Н. А. Добролюбов. В небольшой по объему статье «Фрегат Паллада» Гончарова» критик, не ставя задачи полностью проанализировать произведение, остановился на художественных особенностях Гончарова художника и романиста, подчеркнул оригинальность и самобытность произведения: «Гончаров вышел из обычной колеи, сбросил с себя условия, которые риторика и рутинна под разными предлогами стараются наложить даже на путешествие, и описал свою поездку вокруг света так, что она не похожа ни на одно другое произведение этого рода. Эта смелость, опираясь на талант и искусство, увенчалась успехом»⁴⁸.

Д. И. Писарев полагал, что очерки Гончарова перешли границу, отделяющую малые жанры от крупных эпических, что они стали целиком плодом художественного вымысла, чистого художественным произведением.

Положительную оценку циклу очерков о Маниле и «от Мыса Доброй Надежды до Явы» дал и Н. А. Некрасов в своих «Заметках о журналах за октябрь 1855 г.».

Дореволюционная критика, сопоставляя очерки Гончарова с подобными очерками путешествий Карамзина, Фонвизина, подчеркивала их самобытность, объективность, отсутствие «литературщины», «книжности»; высокую художественность (Дудышкин, Дружинин). В то же время в литературной критике наметилась тенденция представить автора «Фрегата Паллады» как бездушного объективиста и защитника устоявшегося обломовского быта (Дружинин, Острогорский)⁴⁹.

Очерки привлекали внимание советских литературоведов. К наиболее интересным следует отнести исследование Энгель-

⁴⁷ Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. 1, с. 533.

⁴⁸ Там же. Добролюбов цитирует предисловие издателя, целиком с ним соглашаясь.

⁴⁹ См.: И. А. Гончаров, его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей. Сост. В. И. Покровский. М., 1912, с. 362.

гардта (Литературное наследство АН СССР, т. 22—24) и В. Шкловского («И. А. Гончаров как автор «Фрегата Паллады»), где сопоставлены очерки Гончарова с «Письмами русского путешественника» Карамзина.

Советское литературоведение обратилось к произведению Гончарова в 1966 г., когда возникла любопытная полемика о жанре очерков вообще⁵⁰.

Таким образом, «Фрегат Паллада» — не только важный этап в творческом и идейно-мировоззренческом развитии Гончарова, но и значительное явление в литературе в целом.

«ЗНАМЕНИЕ ВРЕМЕНИ»

(Н. А. Добролюбов)

«Обломов» (1859) — лучшее произведение Гончарова, итог многолетних наблюдений русской жизни, классический образец социального семейного романа. Илья Ильич Обломов — колоссальное обобщение целой эпохи, в которой он живет, это история сорока лет русского дворянства⁵¹.

Создав «Обломова», писатель выполнил свою историческую миссию, недаром Н. А. Добролюбов назвал роман «знаменем времени».

Тема крепостничества, паразитического существования дворянства, бессмысленного переползания изо дня в день — ведущая к прогрессивной русской литературе, начиная с конца XVIII в. (Радищев, Фонвизин, Грибоедов, Пушкин, Гоголь).

Большую актуальность она приобретает в середине прошлого века в связи с обострением классовых противоречий перед реформой 1861 г. В общественном мнении и особенно в литературе идет прогресс осознания причин социального и экономического неблагополучия. Все яснее начинает звучать мысль о необходимости покончить с крепостным правом как основой всех зол.

В период работы Гончарова над романом появились такие произведения как «Родина» (1846) Некрасова, «Губернские очерки» (1856—1857) Салтыкова-Щедрина, «Дворянское гнездо» (1858) Тургенева, в которых была сказана горькая и трезвая правда об истинном положении России, о неблагополучии во всех сферах жизни, во всех сословиях русского общества.

⁵⁰ См.: «Вопросы литературы», 1966, № 9.

⁵¹ По подсчетам А. Г. Цейтлина в романе показана жизнь примерно с 1819 по 1856 гг.

Этот период наибольшей близости Гончарова к революционно-демократическому лагерю.

В его мировоззрении преобладают антикрепостнические настроения: «Крепостное право, телесное наказание, гнет начальства, ложь предрассудков общественной и семейной жизни, грубость, дикость нравов в массе — вот что стояло на очереди в борьбе...» (8, 150).

Если в жанре социально-психологического романа «Обыкновенная история» внимание писателя было сосредоточено на осмыслении моральных проблем и изображении внутренней эволюции героя под влиянием «его века», то в «Обломове» Гончаров стремился передать самую эпоху и дух крепостного уклада, показать бытовые, экономические, социальные и общественные причины появления Обломовых и обломовщины.

Принцип социальной обусловленности характера героя позволил писателю придать ему родовое и постоянное значение, «познати его в тип». Как заметили исследователи, Гончаров как бы воплощал в своем лучшем романе мысль Белинского о том, что человека создает природа, но развивает и образует его общество.

Работая над романом, Гончаров, с одной стороны, продолжал литературную традицию разоблачения небокоптительства, лени, байбачества (Крылов «Лентяй», Гоголь—Теньетников, старосветские помещики), с другой стороны — обобщил повседневные явления русской жизни, с которыми каждый сталкивался с детства.

Анализ биографии писателя, его воспоминаний и писем дает основание думать, что понятие «обломовщина» возникло у него очень рано.

В детстве запомнились старички-помещики, один из которых «не выходил из халата и очень редко выезжал из пределов своего имения», знать не хотел «ни границ имения, ни доходов, ни расходов». Старички обычно лежали в постелях, «куда им подавали чай или кофе. В полдень они завтракали, после завтрака опять забирались в постель. Так их заставляли и гости» (7, 241—242). Гончарову казалось, что уже «тогда, при виде всех этих фигур, этого беззаботного житья-бытья, безделья и лежания, и зародилось неясное представление об «обломовщине» (7, 242).

В университете он столкнулся с ленивыми и беспечными барчуками-студентами; вернувшись после окончания университета в родной Симбирск, Гончаров снова увидел знакомую картину тихого прозябания: «... меня обдало той же «обломовщиной»... так и хочется заснуть самому, глядя на это затишье, на сонные окна с опущенными шторами и жалюзи, на сонные физиономии. «Нам нечего делать! — зевая, думает, кажется, всякое из этих лиц, глядя лениво на вас, — мы не торопимся, ищем — хлеб жуем да небо коптим!» (7, 242, 243).

Те же впечатления и от поездки в 1849 г. в Москву: «Что вам сказать о Москве? Тихо дремлет она матушка. Движения почти нет. Меня поразила страшная отсталость во всем, да рыбный запах в жары. Мне стало и грустно и гнусно» (8, 243).

Гончаров определял «обломовщину» как воплощение застоя, сна, неподвижной бесцельной жизни и глубоко понимал сущность ее. «Он не хотел отстать от явления, на которое однажды бросил свой взгляд, не проследивши его до конца, не отыскавши его причин, не понявши связи его со всеми окружающими явлениями»⁵².

Ядовитое слово «обломовщина» было сказано Гончаровым, повторено и усилено названием статьи Добролюбова и вошло в обиход, обозначая целый общественный строй — самодержавно-крепостническую Россию.

В романе Гончаров обнажает социальные, экономические и морально-этические корни обломовщины, поэтому Добролюбов и призывал современников читать и перечитывать его, вчитываться в каждую строчку. Говоря о необыкновенно точном и живом изображении действительности, о способности художника «охватить полный образ предмета, отчеканить, изваять его», критик подчеркнул в «Обломове» необычайное богатство содержания.

С первого взгляда роман может показаться незамысловатым и несколько растянутым: «В первой части Обломов лежит на диване, во второй ездит к Ильинским и влюбляется в Ольгу, а она в него; в третьей она видит, что ошиблась в Обломове, и они расходятся, в четвертой она выходит замуж за друга его Штольца, а он женится на хозяйке того дома, где нанимает квартиру. Вот и все»⁵³.

И далее Добролюбов говорит о том, что тайна успеха романа заключается сколько «в силе художественного таланта автора, столько же и в необыкновенном богатстве содержания романа», и это богатство содержания сознательно выражено автором: «...он хотел добиться того, чтобы случайный образ, мелькнувший перед ним, возвести в тип, придать ему родовое и постоянное значение. Поэтому во всем, что касалось Обломова, не было для него вещей пустых и ничтожных... И после прочтения всего романа вы чувствуете, что в сфере вашей мысли прибавилось что-то новое... вы готовы снова перечитать многие страницы, думать над ними, спорить о них»⁵⁴.

В одном из вариантов Гончаров предполагал озаглавить роман «Обломовщина», но потом отказался от этого проблемного названия. Все богатство идейной проблематики романа связано с характером основного героя (отсюда персональное

⁵² Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. 2, с. 111.

⁵³ Там же, с. 110.

⁵⁴ Там же, с. 108, 111.

диглавие) и полностью раскрывается в композиции романа. Писатель придавал большое значение художественной отделке произведения и уделял много внимания его построению, расположению и связи отдельных частей, группировке персонажей.

Композиция «Обломова» кажется очень простой и лишенной в отдельных моментах сюжетного движения. Это заметил Добролюбов. По поводу растянутости и отсутствия динамики в первой части сетовал и сам Гончаров, опасаясь за успех романа у публики. Но все опасения были напрасны. Композиция романа «Обломов» — своего рода образец соответствия формы содержанию, она предельно четко выражает идейные установки автора и проблемы, его волновавшие. И как раз I-я часть, лишенная сюжетного движения и интриги, в наибольшей мере раскрывает смысл романа и отвечает на вопрос, что такое обломовщина. В то же время она представляет композиционно законченное целое. Тут полно раскрыт характер героя, его образ жизни, отношения с окружающими, внутренний мир и убеждения, хотя в этой части подробно описан лишь один день из жизни Ильи Ильича, день обыкновенный, начинавшийся в 8 часов утра и доведенный до 5—6 часов дня, когда неожиданный приезд Штольца заставил Обломова окончательно проснуться и все-таки встать с дивана.

Нарисовав в подробностях один день, автор сумел представить целую жизнь героя, начиная с ребяческого возраста до зрелости. Размышляя о жизни, сопоставляя себя с «другими», Илья Ильич задумался над вопросом: «Отчего я такой!» И ответ на этот вопрос дан в «Сне Обломова». «Сон» имеет свою внутреннюю композицию, охватывающую уже жизнь целого поколения Обломовых и детство, отрочество, начало юности Ильи Ильича (16 лет).

«Сон» занимает сравнительно небольшое место в первой части романа. Но это тот большой круг, в который как бы вписывается и вся последующая жизнь героя, ибо Обломовки с ее порядками, представлениями, понятиями, обычаями и т. д. определила окончательно мироощущение и характер героя.

«Сон Обломова» имеет колоссальное обобщающее значение. Композиционная функция «Сна» двойная: с одной стороны, это *Forgeschichte* в истории Ильи Ильича и в сюжете романа, с другой — это та широкая всеобъемлющая картина русской жизни, преисполненной покоя и застоя, которая крепко держит все сферы деятельности и накладывает неизгладимый отпечаток на весь колорит и московской, и петербургской, и всероссийской действительности.

Вся первая часть — сложная подробная экспозиция романа, определившая характер дальнейших событий. Во 2-й, 3-й, 4-й частях все время устанавливаются связи возвращения к

первой части, к тем обстоятельствам и деталям, которые очень подробно были изображены в ней.

В экспозиции исчерпывающе раскрыт характер Обломова и образ его жизни. Илья Ильич — средний помещик, у него 300 душ крепостных и имение в степной России, которое, если верить старосте, приносит немного дохода. Илья Ильич окончил университет, когда-то много читал и любил пометчать, порассуждать о важных проблемах. Потом он служил и довольно быстро подал в отставку, т. к. служба тяготила его. Большую часть жизни он проводит дома, лежа на диване, в полудремоте. Это стало его обычным состоянием. Он ленив, апатичен, боится простуды, движения, ужасно згорчается, когда его «трогает жизнь» и заставляет о чем-то волноваться, что-то решать, двигаться. Представляя своего героя, автор подробно описывает его комнаты, их обстановку, порядки, заведенные Захаром, внешность Ильи Ильича и мельчайшие детали его одежды, особенно халат и туфли.

Интерьер и подробная предметная детализация раскрывают образ жизни Обломова и позволяют проникнуть в его внутренний мир. Некоторые детали, повторяясь на протяжении всего романа, как бы символизируют этапы переживаний героя. Знаменитый халат, мягко и свободно облежавший все складки полного тела Ильи Ильича, как раб подчинившийся малейшему движению, становится символом обломовщины, преследующей его⁵⁵.

Своеобразие художественной манеры Гончарова ярче всего сказалось в обрисовке Ильи Ильича. «Во всем, что касалось Обломова, не было для него вещей пустых и ничтожных. Всем занялся он с любовью, все очертил подробно и отчетливо»⁵⁶.

Внешний вид Ильи Ильича полностью соответствовал его внутренней сущности: в его «приятной наружности» отсутствует «всякая определенная идея», в чертах лица — никакой сосредоточенности. «Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности. С лица беспечность переходила в позы всего тела, даже в складки шлафрока» (4, 7). Мягкость — господствующее, основное выражение его души, которая «так открыто и ясно светилась в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, руки» (4, 7).

Обломов, в сущности, приятный и милый человек. Он образован, воспитан, умен, культурен, честен, добр, доверчив,

⁵⁵ См.: Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. М.-Л., 1962, с. 80, 129.

⁵⁶ Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. 2, с. 111.

своими. Все эти качества сказываются в его отношениях с приятельскими, с другом, с женщинами. Но беда его в том, что он ничто не делает, ко всем предельно безразличен. Вот он говорит Захару «жалкие слова» о грязи в комнатах, о пыли, о клопах, а Захар понимает, что Илья Ильич только мастер говорить «мудрые слова», а до пыли и грязи ему и дела нет. И так во всем. Илья Ильич упрекает Захара в ленивости, в том, что в комнатах нечисто: «Понимаешь ли ты, — сказал Илья Ильич, — что от пыли заводится моль? Я иногда даже вижу клопа на стене!

— У меня и блохи есть! — равнодушно отозвался Захар.

— Разве это хорошо? Ведь это гадость! — заметил Обломов.

Захар усмехнулся во все лицо, так что усмешка охватила даже брови и бакенбарды, которые от этого раздвинулись в стороны, и по всему лицу до самого лба расплылось красное пятно.

— Чем же я виноват, что клопы на свете есть? — сказал он с наивным удивлением. — Разве я их выдумал?

— Это от нечистоты, — перебил Обломов. — Что ты все врешь!

— И нечистоту не я выдумал.

— У тебя, вот, там, мыши бегают по ночам — я слышу.

— И мышей не я выдумал. Этой твари, что мышей, что кошек, что клопов, везде много.

— Как же у других не бывает ни моли, ни клопов?

На лице Захара выразилась недоверчивость, или, лучше сказать, покойная уверенность, что этого не бывает.

— У меня всего много, — сказал он упрямо, — за всяким клопом не усмотришь, в щелку к нему не влезешь.

А сам, кажется, думал: — Да и что за спанье без клопа!»

Обломов с упреком поглядел на него, покачал головой и вздохнул, а Захар равнодушно поглядел в окно и тоже вздохнул. Барин, кажется, думал: «Ну, брат, ты еще больше Обломов не жели я сам», а Захар чуть ли не подумал: «Врешь! ты только мастер говорить мудреные да жалкие слова, а до пыли и до паутины тебе и дела нет» (4, 14—15).

Безразличие, апатия, инертность Обломова, неспособность к действию, стремление уйти подальше от жизни, спрятаться от ее тревог — это своего рода болезни, но они имеют социальную основу: Обломов может ничего не делать, так как у него есть Захар, который и чулки натянет на барина, и носовой платок найдет, и все подаст вовремя, и еще 350 захаров, которые зарабатывают для него 2000—3000 рублей на жизнь.

Илья Ильич — барин, и этим определяется все остальное. Он постоянно осознает свое барство и гордится им, в этом он видит свое отличие от всех других людей; за то, что он настоящий барин, полюбила его Пшеницына.

С каким пафосом в патетической сцене с Захаром Ильичем Ильич говорит о своем барстве: «Я «другой»! Да разве я мучусь, разве работаю? Мало ем, что ли? Худощав или жалок на вид? Разве недостает мне чего-нибудь? Кажется, подать сделать — есть кому! Я ни разу не натянул себе чулок на ноги, как живу, слава богу! Стану ли я беспокоиться? Из чего мне? И кому я это говорю? Не ты ли с детства ходил за мной? Ты все это знаешь, видел, что я воспитан нежно, что я ни холода, ни голода никогда не терпел, нужды не знал, хлеба себе не зарабатывал и вообще черным делом не занимался!» (4, 96).

В образе Ильи Ильича, в особенностях его самосознания во всей его жизни, когда никакие серьезные дела по имению ни усилия друга Штольца, ни любовь Ольги не могут заставить его сдвинуться с места и начать действовать, типизируется социальная сущность барства.

Обстоятельства жизни Ильи Ильича на Гороховой улице на Выборгской стороне в домике Пшеницыной, характер его любви к Ольге — он наслаждается этой любовью, пока она была развлечением, и бежит от нее, когда она становится обязанностью, требует труда, — его представление о счастье как воплощенном покое — все подчеркивает его типизм. Обломов для Гончарова лицо обыкновенное, тип широко распространенный, что усилено такими персонажами как Пенкин, Волков, Судьбинский, Алексеев, Тарантьев. Это тот легион, имя которому — обломовцы⁵⁷.

В этих персонажах раскрыты разновидности обломовцев. Они, быть может, хуже самого Обломова. Недаром Ильич Ильич думает о них: «Все это мертвецы, спящие люди, хуже, меня, эти члены света и общества! Что водит их в жизни?» Вот они не лежат, а снуют каждый день, как мухи, взад и вперед, а что толку?» (4, 189).

В самом деле, что толку, какая от их суеты польза?

Молодой человек Волков живет весело, влюбляется, волочится, занимается верховой ездой. Он рад, что у него служба такая, что не нужно бывать в должности: «Только два раза в неделю посижу да пообедаю у генерала, а потом поедешь с визитами, где давно не был» (4, 22). Безликий Алексеев не имеет никаких постоянных занятий, получает откуда-то из захламленного триста рублей дохода в год, не знает волнений и забот, готов с любым провести время, пообедать, покурить или посидеть просто так, подремать... Преуспевающий чиновник Судьбинский, о котором сам «министр выразился», что он «украшение министерства», фактически ничего не делает, лишь

⁵⁷ Мне представляется неверным утверждение А. Г. Цейтлина, что только Алексеев и Тарантьев — обломовцы, а Волков, Судьбинский, Пенкин — лишние в романе.

создает видимость труда, ревизуя сметы о «возведении при зданиях... собачьих конур для сбережения казенного имущества» (4, 27). Цель его жизни — получение чинов, положенных окладов, наград, выгодная женитьба. Либеральный литератор Пенкин пишет повесть, в которой городничий «справедливо бьет мещан по зубам за их безнравственность», и поэму «Любовь взяточника к падшей женщине». Он тратит душу свою на мелочи, меняет убеждения, торгует умом и воображением, как справедливо заметил Илья Ильич.

Михей Тарантьев — мастер только размахивать руками и так громко кричать, что «если слушать в некотором отдалении, точно будто три пустые телеги едут по мосту» (4, 40). Он может налету схватить кусок мяса, если он брошен кем-то, и по мелочам обобрать ближнего да строить неисполнимые проекты.

Понимая сопричастность всех этих фигур к типу обломовцев, Илья Ильич признается Штольцу: «Да я ли один? Смотри: Михайлов, Петров, Семенов, Алексеев, Степанов... не пересчитаешь: наше имя легион!» (4, 191).

Эти обломовцы мельче Ильи Ильича и намечены автором в виде сатирических силуэтов, но они представляют тип. В этих силуэтах-типах не просто обличение личностей, а откровенно сатирическое изображение всей совокупности общественной, деловой, бюрократической и государственной жизни как почвы для появления и процветания обломовцев.

Гончаров показал чрезвычайно широко, подробно и убедительно обломовщину и все ее разновидности. Но он не остановился на этом, а постарался выявить причины, социальные корни обломовщины. Своеобразным символом захолустной крепостной России выступает в романе Обломовка.

В патетическом стиле, используя риторические вопросы и восклицания, автор начинает детальное описание Обломовки: «Где мы? в какой благословенный уголок земли перенес нас сон Обломова?.. Что за чудный край!» (4, 102).

Пользуясь фигурой отрицания — «там нет моря», «высоких гор, скал и пропастей, ни дремучих лесов — нет ничего грандиозного, дикого и угрюмого», нет «страшных бурь и разрушений», нет змей, тигров, ни даже медведей и волков, потому что там нет лесов» (4, 103, 106), — автор рисует природу этого края, где жизнь течет тихо и мирно, река бежит весело, солнце светит жарко и ярко, звезды мигают приветливо и дружески, дожди идут только «благодетельные».

Таким необычным образом автор подводит читателя к мысли, что жизнь не вызывает здесь возвышенных чувств и романтических мечтаний, здесь даже соловьев нет, поют только перепела, а луна похожа на «вычищенный медный таз». Вид всей местности скромный и незатейливый. Но и здесь бывают «минуты всеобщей, торжественной тишины природы, когда

сильнее работает творческий ум, жарче кипят поэтические думы, когда, в сердце сильнее вспыхнет страсть или больнее ноет тоска, когда в жесткой душе невозмутимее и сильнее зреет зерно преступной мысли, и когда... в Обломовке все почивают так крепко и покойно» (4, 120).

В таком описании «чудесного края» полемика с романтиками, герои которых могут «творить, и мыслить, и страдать» лишь в экзотической обстановке, и противопоставление законов жизни природы и всех людей законам жизни обломовцев.

Обломовцам — и господам, и дворовым слугам — нет дела до звезд, солнца, неба, луны, соловьев и творческих порывов, до жизни других людей, народов и государств. Они живут патриархально, замкнуто; их мир кончается у ближайшей пристани на Волге, куда свозили мужики хлеб, она «была для них Колхидой и Геркулесовыми столпами» (4, 108). Они знали, что есть губерния, есть Саратов, слышали о Москве и Петербурге, за которыми живут немцы и французы, а далее начинался для них «темный мир», где живут «чудовища» и «люди о двух головах», великаны, далее следовал мрак и та рыба, которая держит на себе всю землю (4, 108).

От обобщенной характеристики первобытного сознания обломовцев автор переходит к описанию их бытия и повседневного быта. Все это складывалось веками, освещено традицией и передавалось из поколения в поколение.

Бытие Обломовых ограничено тремя главными фактами: родины, свадьбы, похороны; далее идут соответствующие им подразделения — обряды и обычаи, веселые и печальные: крестины, именины, заговенья, разговенья, родственные съезды и обеды, приветствия, поздравления, официальные съезды и т. д.

«Тут вся их жизнь и наука, тут все их скорби и радости... жизнь их кишила исключительно этими коренными и неизбежными событиями, которые и задавали бесконечную пищу их уму и сердцу» (4, 127).

Типичность этого подчеркивается замечанием, что все семьи родственников и знакомых жили так же и тем же. В Обломовку «иногда придет какая-нибудь Наталья Фаддевна гостить на неделю, на две. Сначала старухи переберут весь околоток..., потом пересчитают разные случаи: именины, крестины, родины» (4, 137).

Сущность бытия определяется отношением к труду. Обломовцы жили за счет труда крестьян. В то время, когда в усадьбе и в помещичьем доме воцарялся послеобеденный сон, «истинное подобие смерти», «как муравей, гомозится на черной ниве палимый зноем пахарь, налегая на соху и обливаясь потом» (4, 107). Эта незначительная деталь, упомянутая рядом с пространством описанием «всепобеждающего» сна, приобре-

дает глубокий смысл: потом и кровью крепостных крестьян, груд которых никогда не кончается, создавалось благополучие господ и их приживальщиков. Сами же господа «сносили труд как наказание, наложенное еще на праотцов наших, но любить его не могли, и где был случай, всегда от него избавлялись, находя это возможным и должным» (4, 126).

С помощью предметной детализации автор показывает «занятость» Обломовых. В начале фразы или абзаца говорится о занятости господ, а потом выясняется, что они никогда ничего не делают. Такое описание создает сатирический эффект. Когда все заняты приготовлением обеда, «сам Обломов-сатирик тоже не без занятий. Он целое утро сидит у окна и неукоснительно наблюдает за всем, что делается на дворе» (4, 114): «И жена его сильно занята», она часа три толкует с Аверкеей, портным... задает каждой девке, сколько сплести в день кружев; потом позовет с собой Настасью Ивановну, или Степаниду Агаповну, или другую из своей свиты погулять по саду с практической целью: посмотреть как наливается яблоко, не упало ли вчерашнее...» (4, 114). И опять: «После чая все займутся чем-нибудь: кто пойдет к речке и тихо бродит по берегу, толкая ногой камешки в воду; другой сядет к окну и ловит глазами каждое мимолетное явление: пробежит ли кошка по двору, пролетит ли галка, наблюдатель и ту и другую преследует взглядом и кончиком своего носа, поворачивая голову то направо, то налево...» (4, 119). Бесцельность и нелепость таких «занятий» подчеркивается сравнением обломовцев с собаками, что «любят сидеть по целым дням на окне, подставляя голову под солнышко и тщательно оглядывая всякого прохожего». В таком же ключе сопоставление забот об обеде с муравьиною жизнью.

Сатирическая оценка «занятий» обломовцев усиливается не только сопоставлением с «трудом» собак и муравьев, но и подробным, скрупулезным описанием их повседневных забот, обусловленных чисто животным существованием, физиологическими потребностями.

Первой и главной жизненной заботой обломовцев была работа о пище, здесь проявились все их умственные способности. Об обеде совещались целым домом, каждое предложение обстоятельно обсуждалось. «Важность» и ничтожество этих забот подчеркивается ироническими восклицаниями: «Какие телята утучнялись там к годовым праздникам! Какая птица воспитывалась! Сколько тонких соображений, сколько забот и забот в ухаживании за нею! Какие запасы были там варений, солений, печений! Какие меды, какие квасы варились, какие пироги пеклись в Обломовке!» (4, 115). И далее следует великолепное, преисполненное иронии, описание исполинского праздничного пирога, который ели целую неделю и остатки коего, в виде археологической окаменелости, доходили до ку-

чера Антипа. Он их съедал с благоговением, наслаждаясь сознанием, что он ест господский пирог...

Заботы о пище, о сне, разговоры о семейных делах — вот круг «умственных» интересов Обломовых.

Гончаров в «Сне» описывает только один вечер в доме Обломовых (как в 1-й части — один день жизни Ильи Ильича). Вечером, собравшись вместе, они не знают, чем заняться. По большей части между собеседниками царит глубокое молчание — «умственные сокровища взаимно исчерпаны». Иногда Илья Иванович читает что-нибудь из газет трехлетней давности, иногда обсуждает приметы, их все знают хорошо, а названия месяцев путают.

«Видит Илья Ильич во сне не один, не два такие вечера, но целые недели, месяцы и годы так проводимых дней и вечеров» (4, 136).

История с письмом, полученным однажды в Обломовке, снова подчеркивает типичность образа жизни обломовцев для целой страны.

Обломовцы не слышали о многотрудной жизни, о людях, отдающих жизнь вечному, нескончаемому труду, не верили душевным тревогам, не смущали себя никакими умственными и нравственными вопросами. Они понимали жизнь как идеал покоя и бездействия. «Илиадою» такой жизни стала у них сказка. Народный эпос они приспособили для своих нужд. Сказки, которые так любили слушать в Обломовке, были идеологическим оправданием их «мирной жизни». В обломовских сказках не говорилось о рабстве и труде, зато в них воспевались неведомые страны, где «текут реки меда и молока, где никто ничего круглый год не делает», где награждаются всеми благами тихие и безобидные лентяи...

В такой среде складывается характер и внутренний мир Ильи Ильича. Через весь «Сон Обломова» в разных вариациях, многократно повторяясь, проходит лейтмотив: «А ребенок все наблюдал да наблюдал», «вглядывался» «вслушивался» «все смотрел и все наблюдал своим детским, ничего не пропускающим умом», «ум и сердце ребенка наполнились всех картин, сцен и нравов этого быта».

Взрослым Илья Ильич узнает о другой жизни, полной дел и свершений, но всегда будет вздыхать об Обломовке и искать ее в любых условиях, будет бессознательно грустить, зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка. И он никогда не сможет оторваться от обломовщины, и пойдет она за ним и на службу и на Гороховую улицу, и на Выборгскую сторону. Не случайно, те детали, которые так ярко всплыли в сознании спящего Обломова, повторяются наяву во всей его жизни, планах, даже мечтаниях.

Илья Ильич немислим без своего слуги Захара. Они не могут существовать друг без друга, и хотя Илья Ильич — ба-

рин, он — раб Захара, ибо без последнего не умел ни встать, ни лечь, ни отобедать, ни одеться. Захар же не может представить себе другого барина, кроме Обломова. Оба они порождены Обломовкой и связаны с нею. «Захар любил Обломовку, как кошка свой чердак, лошадь — стойло, собака — конуру» (4, 75). Он дорожил своими бакенбардами и старым сюртуком потому, что они напоминали величие Обломовки, места, где Захар, став дядькой барчука, «начал считать себя только предметом роскоши, аристократическою принадлежностью дома, назначенною для поддержания полноты и блеска старинной фамилии, а не предметом необходимости» (4, 76, 77).

Его отношение к Илье Ильичу тоже определено обломовскими традициями, он «не сам выдумал» преданность барину, что вошло в его плоть и кровь от отцов и дедов. Точно так же он усвоил обломовские понятия о труде, жизни, цели бытия, и не случайно Илья Ильич думает, что Захар больше Обломов, нежели он сам, и не случайно именно Захару так не понравилось ядовитое слово — обломовщина.

Гончаров часто сравнивает Захара с собакой: прежде чем он слезет с лежанки, слышится ворчание, потом — прыжок; когда Захар сердит, Илья Ильич «подманивает» его. С юмором автор показывает неловкость Захара, лень, мелкое плутовство его, откровенное желание ничего не делать.

Подобно тому, как Обломов нашел приют около уютной Пшеницыной, Захар спрятался за Анисью, женившись на ней и переложив на нее все свои обязанности.

Образ Захара позволяет рельефнее обозначить черты Ильи Ильича и глубже вскрыть их обломовскую сущность.

В романе герой испытывает воздействие трех разнородных стихий; отсталой патриархальной Обломовки, суетного света и общества, прогрессивных веяний своей молодости. Воплощением последних и напоминанием о былых идеалах, стремлениях, надеждах выступают Ольга и Штольц. Побеждает, казалось бы, Обломовка, но в ее выборгском варианте. На самом деле никакой борьбы нет, ибо все три стихии только кажутся разнородными. Мы уже убедились, что суетная жизнь и стремления представителей разных сфер света и общества — Волкова, Судьбинского, Пенкина, Алексеева и др., — пронизаны обломовщиной.

Что же касается мечтаний молодости, то не случайно Н. А. Добролюбов сопоставил так называемых «лишних людей» с Обломовым. Установив черты сходства и проследив эволюцию типа, критик всех их отнес к категории обломовцев.

Штольц — не только друг юности героя, но, как лицо идеальное, — антипод Обломова. Штольц — деловой человек, он постоянно занят, трудится и преуспевает. В Штольце писатель хотел воплотить то новое, что идет на смену обломовым и об-

ломовщине, тот новый тип, в появлении которого нуждалась Россия. В образе Штольца есть правда жизни. С подобными деловыми людьми Гончаров встречался и на службе, и в салоне Майковых (В. А. Солоницын, А. П. Заболоцкий-Десятовский и др.). Русскому обществу нужны были такие люди (не случайно Лаврецкий у Тургенева «научился пахать землю»).

И. И. Лажечников («Немного лет назад», 1862), Г. П. Данилевский («Беглые в Новоросси», 1862, «Беглые воротились», 1863), П. Д. Боборыкин («Дельцы», 1872), Н. А. Некрасов («Современники», 1875—1876 гг.), М. Е. Салтыков-Щедрин («Господа ташкентцы», 1839) и многие другие писатели вслед за Гончаровым разрабатывают и углубляют эту тему, рельефнее представляют дельцов, стяжателей, новых эксплуататоров и хищников, социальные черты которых все яснее обозначались в самой действительности.

По ходу сюжета Штолец не только прекрасно устраивает свои дела, но и становится наследником всего, что принадлежало и могло бы принадлежать Обломову. Он воспитывает сына Ильи Ильича Андриюшу, заменив ему отца, он произносит прощальное слово Обломовке и приговор обломовщине, тем не менее Штолец не стал типом и в идейном плане не противостоит Обломову.

Рисуя Штольца как выразителя положительной программы, Гончаров нарушил основной закон реализма — представить типические характеры в типических обстоятельствах. Мы не видим, где и как ухитряется Штолец действовать разумно и честно, улаживая свои и чужие дела, зарабатывая трудом состояние. Автор не раскрыл тех идеалов, во имя которых трудится его герой. А там, где завеса неясности приподымается, мы не видим ничего нового. Перед читателем снова предстает обломовщина, немного почищенная, культурная, светская. Вчитайтесь в описание семейной идиллии Штольца с Ольгой, и вы увидите что Штолец как раз и воплотил на яву мечты Ильи Ильича. Вот жизнь Штольца в Крыму: чудесная дача, музыка, книги, тишина, безмолвное удивление перед вечной красотой природы, долгие чаепития, покой, довольство, только не хватает обильных трапез да поцелуя черноокой смуглянки, зардевшейся от ласки барина... Недаром, рисуя эту семейную идиллию, Гончаров несколько раз повторил, что у Штольцев снаружи все делалось, как у других... «как мечтал и Обломов», и молчание их было «задумчивое счастье, о котором одном мечтал, бывало, Обломов» (4, 465—469). И недаром Ольга испытывает чувство щемящей тоски и страх перед будущим, в ее душу закрадываются смутные сомнения.

Добролюбов понял антигероизм Штольца, его стремление уйти от борьбы и склонить голову перед трудностями. «Мы не Титаны... — проповедует Штолец Ольге, — мы не пойдем с

Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу с мятежными попросами...» (4, 475). С такими проповедями Штольц не мог стать руководителем Ольги, поэтому критик полагал, что она бросит Штольца, если он не изменится. Правоту Добролюбова признал Гончаров, впоследствии он писал, что Штольц ему не дался, что из него слишком выпирает идея.

Ольга — единственный человек в романе, который сумеет распознать обломовщину во всех видах и произнести ей суд беспощадный. Современникам Ольга Ильинская казалась столь совершенной по цельности и гармоничности характера, что в ней склонны были видеть идеал, еще не встречаемый в жизни. Об этом же писал и Добролюбов.

Между тем в Ольге в большей мере отразилось то новое, что было в русской женщине в 50-х — 60-х гг. XIX в., и это удалось наблюдать и осознать писателю. У гончаровской героини были живые прототипы: одни называют Е. В. Толстую (Сакулин, Пиксанов), другие Е. П. Майкову (см. дневник Е. А. Штакеншнейдер, статью О. М. Чемена)⁵⁸.

В статье «Обломов» И. А. Гончарова и Екатерина Майкова» («Русская литература», 1959, № 3) исследовательница О. Чемена убедительно доказала, что прообразом Ольги, этой «души романа», была Екатерина Павловна Майкова, жена Владимира Николаевича Майкова. Это замечательная, беспокойная, вечно ищущая натура. Гончаров привязался к молодой женщине и сохранил дружеское расположение к ней, даже тогда, когда она, увлеченная эмансипацией, оставила семью, мужа, детей и ушла в «фаланстеры».

Гончаров испытывает Обломова любовью двух женщин — Ольги и Пшеницыной. Увлечение Ольгой преисполнено поэзией и порывами, желанием избавиться от халата и обломовщины. В этой любви все возвышенно, романтично, человечно, что и подчеркивается психологически-яркими деталями: музыка, пение Ольги, слезы восхищения у Обломова, ветка сирени, краска стыда на лице Ильи Ильича лишь при одном упоминании о знаменитом халате и т. п.

Внимание к Пшеницыной и постепенное «прирастание» к ней связаны с домашними удобствами, пирогами, вкусными обильными обедами, звоном ножей на кухне — со всем, что напоминало Обломовку. В самой Агафье Матвеевне Обломова привлекли ямочки на полных локтях, как у дворянки, да тепло и покой, исходившие от нее. Все больше привязываясь к ней, Обломов понимал, что любить ее нельзя.

Весь роман с Пшеницыной не только лишен поэтичности,

⁵⁸ См.: Сакулин П. Н. Новая глава из биографии И. А. Гончарова. Гончаров и Е. В. Толстая. «Голос минувшего», 1913, № 11, с. 45—46; Пиксанов Н. К. «Обломов» Гончарова. «Учен. зап. Моск. ун-та», 1948, вып. 122, с. 122—154; Чемена О. М. «Обломов» И. А. Гончарова и Екатерина Майкова. «Русская литература», 1959, № 3, с. 159—168.

но нарочито обставлен снижающими, почти карикатурными, деталями: Пшеницына в воображении Ильи Ильича сравнивается с горячей ватрушкой и печкой; когда он ее целовал в первый раз, она стояла «прямо и неподвижно, как лошадь, на которую надевают хомут» (4, 396). Позже, когда жизнь в ее домике вошла в тихие обломовские берега и Агафья Матвеевна самоотверженно лелеяла и берегла Илью Ильича, как экзотический цветок, ее образ в его воображении слился с образом волшебницы из детских сказок...

Агафья Матвеевна стала творцом и оплотом новой Обломовки для Ильи Ильича, и в этом ее человеческая трагедия. Она — великая труженица, хозяйка по призванию, самоотверженная бескорыстная женщина; она вечно в работе и все отдает людям и в минуты неосознанного счастья и в горе. В конце романа Гончаров возвышает Пшеницыну, показывает ее внутреннее просветление под влиянием большого человеческого чувства. Она становилась все сосредоточеннее, в глазах затаился скрытый смысл. «С годами она понимала свое прошедшее все больше и яснее и таила все глубже... (4, 503) она поняла, что проиграла и просияла ее жизнь, что бог вложил в ее жизнь душу и вынул опять» (4, 502). Она становится близкой и дорогой Ольге, и хотя Штольц предлагает ей жить с ними и присылает доходы от имения, она все возвращает назад, для Андрюши Обломова, а сама идет своей многотрудной дорогой.

Вся история Пшеницыной — трагедия простого человека, отдавшего силы души и свой бескорыстный труд обломовщине.

В романе «Обломов» в полной мере сказалась художественная манера Гончарова, его особенности писателя-реалиста: и в своеобразной объективности, не лишенной в то же время авторской тенденциозности (юмор, сатирическая оценка) и даже элементов дидактизма (образ Штольца); в тщательно продуманной композиции романа, яркости типических характеров; в обилии предметной, психологической детализации, в умении не только подчеркнуть, но довести до значения символа отдельные социально-важные детали и явления (письмо в Обломовку, халат, обломовщина как понятие).

В «Обломове» мастерские диалоги. Блестящие, преисполненные внутреннего комизма сцены Ильи Ильича с Захаром можно перечитывать до бесконечности, наслаждаясь не только содержанием, но и языком, которым они написаны. Вот Илья Ильич допекает Захара «жалкими» словами: «Как же ты не ядовитый человек? — говорил Обломов. Захар все молчал, только крупно мигнул раза три.

— Ты огорчил барина! — с расстановкой произнес Илья Ильич и пристально смотрел на Захара, наслаждаясь его смущением. Захар не знал, куда деваться от тоски.

— Ведь огорчил? — спросил Илья Ильич.

— Огорчил, — шептал, растерявшись совсем Захар от этого нового жалкого слова...» (4, 94).

По мере нарастания «жалких» слов усиливается комический эффект и меняется настроение Захара.

«Я спрашиваю тебя: как ты мог так горько оскорбить барина, которого ты ребенком носил на руках, которому век служить и который благодетельствует тебе?»

Захар не выдержал: слово благодетельствует доканало его! Он начал мигать чаще и чаще. Чем меньше понимал он, что говорил ему в патетической речи Илья Ильич, тем грустнее становилось ему...

— Вот какую змею отогрел на груди!

— Змея! — произнес Захар, всплеснув руками и так ударил плачем, как будто десятка два жуков влетели и зажужжали в комнате.

— Когда же я змею поминал? — говорил он среди рыдающих. — Да я и во сне то не вижу, ее, поганую!

Оба они перестали понимать друг друга, а наконец каждый и себя!» (4, 97).

Мастерство Гончарова потрясает. Он умел передать все тонкости и богатство оттенков значения слова, чарующую красоту русского языка. Он любил повторять и обыгрывать отдельные слова и выражения, усиливая закономерность и важность отдельных обстоятельств, раскрывая сущность явления: например, в разговоре о пыли, паутине, грязи, клопах и пр. на всякий упрек барина Захар отвечает, что не он выдумал всю эту нечисть. В другом месте Гончаров скажет, что свое отношение к барину Захар тоже «не сам выдумал». Обломов называет Захара ядовитым человеком. Обломов накрыл стакан с водой, чтоб «туда не попало что-нибудь ядовитое». Слово «обломовщина», впервые сказанное Штольцем, Илье Ильичу показалось знакомым, а Захару — ядовитым.

В романе «Обломов» во всех элементах и деталях мы видим простоту совершенства. Так интерьеры и предметная детализация служат не только раскрытию характеров в их социальной сущности, но позволяют проникнуть во внутренний мир героя, иногда символизируют этапы глубоких переживаний и изменений. Это дает основание говорить о психологической детали и о разных функциях детализации вообще. Предметная детализация в романе многозначна, объемна по своему содержанию, отдельные детали сами по себе выступают как типические и воссоздают определенный уклад жизни. Некоторые детали иронически обыгрываются и служат углубленному пониманию проблематики романа.

Характерно, что в обрисовке идеального Штольца не используется ни предметная детализация, ни интерьер.

В романе Гончаров схоронил обломовщину и устами Штолца сказал ей надгробное слово. И, по мнению Добролюбова, сказал неправду. «Вся Россия, которая прочитала или прочитает «Обломова», не согласится с этим, — писал критик. «Нет, Обломовка есть наша прямая Родина, ее владельцы — наши воспитатели, ее триста захаров всегда готовы к нашим услугам. В каждом из нас сидит значительная часть Обломова, и еще рано писать нам надгробное слово»⁵⁹.

Роман «Обломов» безусловно лучшее и самое совершенное произведение Гончарова, тем не менее у нас нет оснований говорить о его цельности и однородности. И ведь не случайно, чувствуя это, сам автор просил Л. Н. Толстого не читать первой части романа...

Работу над «Обломовым» Гончаров начал в 40-е гг., «Сон» опубликовал в 1847 г., а весь роман был закончен и вышел в свет лишь в 1859 г. За это время в русской литературе произошли огромные перемены, что не могло не сказаться и на романе.

40-е гг. — время развития, расцвета и популярности «Натуральной школы», отличавшейся резким критическим пафосом в изображении действительности. Объектом обличения становилась в произведениях писателей «Натуральной школы» сама социальная среда, которая формировала человека. И человек выступал как определенный социальный тип, как явление широко распространенное, а не исключение. И не случайно для Гончарова станет принципом изображать явления устоявшиеся, широко распространенные. Это идет от «Натуральной школы».

Основным жанром в творчестве писателей «Натуральной школы» были очерки, бытовые, нравоописательные; критика облекалась подчас в сатиру.

Впоследствии Гончаров писал: «Отрицательное направление до того охватило все общество и литературу (начиная с Белинского и Гоголя), что и я поддался этому направлению и вместо серьезной человеческой фигуры стал чертить частные типы, уловлял только уродливые и смешные стороны» (8, 366).

Русская литература конца 50-х гг. уже обратилась к изображению всей сложности человека, его противоречий, драматической его судьбы. Углубляется тенденция психологического анализа героев. Их душевный мир изображается шире, многостороннее, даже в тех случаях, когда, казалось бы, речь идет о маленьких, незаметных людях (ср. Акакия Акакиевича Башмачкина у Гоголя и Макара Алексеевича Девушкина у Достоевского).

И у Гончарова, видимо, к этому времени появилось желание создать характер сложный и противоречивый, выразить в

⁵⁹ Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. 2, с. 136.

нем свой идеал: «...у меня был один артистический идеал: это — изображение честной и доброй, симпатичной натуры, в высшей степени идеалиста, всю жизнь борющегося, ищущего правды, встречающего ложь и на каждом шагу обманывающегося и, наконец, окончательно охлаждающегося и впадающего в апатию и бессилие от сознания слабости своей и чужой, т. е. вообще человеческой натуры» (8, 366).

В первой части романа, следуя принципам «Натуральной школы», отдавая дань «отрицательному направлению», Гончаров как бы сузил тему Обломова, сосредоточив все внимание на обломовщине, как порождении крепостничества, на распространении обломовщины, на типах обломовцев — Захара, Гарантьева, Пенкина, Алексеева, Волкова, Судьбинского и т. д., вплоть до целых захолустьев, типа Обломовки, Выборгской стороны (в последней части). Тема раскрыта широко, полно, заостренно, все точки поставлены, все причины и следствия выявлены. Это было значительным достижением писателя, от которого он никогда не отказывался, и всегда ставил себе в заслугу изображение обломовщины. Это было сразу отмечено и подхвачено критикой в лице Добролюбова.

Со временем «Обломова» как бы окружила застывшая область «толкований, некоторые разноречивые мнения современников улеглись, и в представлении многих поколений читателей роман воспринимался и воспринимается в том истолковании, какое было дано Добролюбовым (и Гончаров с этим согласился).

Между тем уже в первой части Обломов представляется героем неоднолинейным, противоречивым. В беседах с гостями, посетившими его 1 мая, Обломов предстает перед читателем как человек мыслящий, разумный, правый в своих недоумениях по поводу пустого беганья франта Волкова или бюрократического бумагомарания карьериста Судьбинского: «Где же тут человек, на что он раздробляется?», «А как мало тут человеку-то нужно, его воли, чувства — зачем это?» — думает Обломов, и с ним соглашается читатель.

Обломов 1-й части не лишен и рефлексии, и горьких раздумий о своем бытии и назначении человеческом. «Ему доступны были наслаждения высоких помыслов; он не чужд был всеобщих человеческих скорбей. Он горько в глубине души плакал в иную пору над бедствиями человечества, испытывал безвестные, безымянные страдания и тоску, и стремление куда-то вдаль» (4, 68).

«Настала одна из ясных сознательных минут в жизни Обломова. Как страшно стало ему, когда вдруг в душе его возникло живое и ясное представление о человеческой судьбе и назначении, и когда мелькнула параллель между этим назначением и собственной его жизнью, когда в голове просыпались, один за другим, и беспорядочно, пугливо носились

...разные жизненные вопросы... Он болезненно чувствовал, что в нем закрыто, как в могиле, какое-то хорошее, светлое начало, может быть, теперь уже умершее, или лежит оно, как золото в недрах горы, и давно бы пора этому золоту быть ходячей монетой» (4, 100—101).

Таким образом, в первой части наметилась и другая тема — драматическая, а по мнению некоторых исследователей, например, Пруцкова, — даже трагическая: Обломов не только порождение среды, ее выражение, но и жертва «обломовщины», осознающей свою обреченность.

Во 2-й и последующих частях романа Илья Ильич раскрывается уже не просто как выражение среды, а как личность, личность незаурядная (далекая по своему внутреннему содержанию от гоголевских небокоптителей), и эта личность показана в сложных отношениях со средой, в драматических ситуациях, в разноречивых переживаниях и связях с другими людьми.

«Образ Обломова представляет соединение нескольких пластов, в некотором смысле даже противоположных между собой», — отмечает Б. И. Бурсов⁶⁰. Если в первой части Обломов раскрывается как человек никчемный, ленивый апатичный, боящийся жизни, то в последующих частях все больше и больше звучит мысль о невозможности настоящей деятельности, настоящей жизни, потому что сама жизнь «никуда не годится», ибо она может представить Илье Ильичу лишь «хлопотливую сумятицу отдельных личностей, с личными узенькими заботами о своем кармане, о своем брюшке, или о своих забавах»⁶¹.

Отчего пассивность Обломова «не производит на нас ни впечатления горечи, ни впечатления стыда? Посмотрите, что противопоставляется обломовской лени: карьера, светская суэта, мелкое сутяжничество, или культурно-коммерческая деятельность Штольца. Но чувствуется ли в обломовском халате и диване отрицание этих попыток разрешить вопрос о жизни», — писал критик Ин. Анненский⁶².

Таким образом, герой романа, с одной стороны, воплощение и порождение среды, а с другой — попытка реализовать «артистический идеал» автора. «От сознательного упрощения (заострения) сложной задачи к последовательной и полной ее реализации — таково движение «Обломова»⁶³. Поэтому во

⁶⁰ Бурсов Б. И. О национальном своеобразии и мировом значении русской литературы. «Русская литература», 1958, № 3, с. 84.

⁶¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., в 16-ти т., т. 5. М., 1950, с. 169.

⁶² Анненский Ин. Гончаров и его «Обломов». «Русская мысль», 1892, № 4, с. 91.

⁶³ Краснощекова Е. «Обломов» И. А. Гончарова. М., 1970, с. 37.

второй и последующих частях романа герой интересуется автором не только как выражение среды, но и сам по себе, как в принципе незаурядная личность в ее сложных отношениях с действительностью и с другими личностями и жизненными проблемами. И тут происходит сближение Обломова и с лишними людьми, почти во всех их жизненных, личных и общественных проявлениях, что справедливо подметил Добролюбов. Илья Ильич оказался последним в галерее «лишних» людей, через него начато и развенчание типа.

Добролюбов в своей критике и выделяет и возводит в политический принцип лишь один пласт — воплощение в образе Обломова крепостнических отношений. Такой анализ романа наиболее соответствовал исторической обстановке и программе революционных демократов. «Добролюбовский Обломов, совпадая в своей сущности с образом Гончаровского романа, и значительнее, и в то же время до некоторой степени уже этого последнего»⁶⁴.

Илья Ильич Обломов стал предметом сложного социально-психологического анализа, тип перерос социальные рамки крепостничества, на что опять-таки обратил внимание Добролюбов в конце своей статьи, называя роман «знамение времени».

Мне представляется наиболее интересным современное толкование романа и героя в небольшой книжечке Е. Краснощековой, прочитать которую я бы рекомендовала всем участникам спецкурса. В то же время в работах некоторых современных исследователей наметилась тенденция рассматривать Обломова как образ трагический, или как образ только «тунеядца», или как исключительное воплощение нравственного «артистического идеала» писателя, что, конечно, неверно. И роман, и образ главного героя необходимо анализировать во всей сложности, противоречивости и совокупности разных аспектов, намеченных самим Гончаровым.

Сложность и многосторонность характера главного героя и делают его «живучим» в разные времена и в разных социальных условиях.

Тип Обломова оказался таким всеобъемлющим, что стал выражением не только определенных социальных отношений, образа жизни, но и некоторых особенностей склада национального и даже общечеловеческого характера.

В свое время этот образ широко использовал В. И. Ленин в борьбе за новый строй жизни, за нового человека. В докладе «О международном и внутреннем положении Советской республики» В. И. Ленин писал: «...нужно и мозги сделать более гибкими, и скинуть всякую коммунистическую или, вер-

⁶⁴ Бурсов Б. М. Цит. соч., с. 84.

нее, русскую обломовщину, и многое другое»⁶⁵ и еще: «Был такой тип русской жизни — Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени. Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что *старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел*»⁶⁶.

Если в дореволюционных статьях В. И. Ленин использует образ Обломова и обломовщины для характеристики крепостничества и патриархального сознания, то впоследствии вождь революции клеймит этим именем и народников, которым присущи «гнилые, барски-обломовские иллюзии»⁶⁷, и определенные круги социал-демократии, поддавшиеся обывательской идее о блоке всех левых партий, и меньшевиков, не желавших принять строгую партийную дисциплину. «Людям, привыкшим к свободному халату и туфлям семейно-кружковой обломовщины, формальный устав кажется и узким, и тесным, и обременительным, и низменным, и бюрократическим, и крепостническим, и стеснительным для свободного «процесса» идейной борьбы»⁶⁸.

В. И. Ленин часто пользовался образом Обломова и обломовщины, варьируя их «на разные лады и расширяя до огромных размеров национального образа», как заметил А. Г. Цейтлин⁶⁹.

МНОГОСЮЖЕТНЫЙ РОМАН

Над своим последним романом «Обрыв» (1869 г.) И. А. Гончаров работал долго (около 20 лет) и трудно⁷⁰. Основная работа шла в послереформенный период, когда Россия оказалась на пороге новой жизни, перед «обрывом», когда вся обстановка заставляла настойчиво искать новых путей развития.

Идеологические позиции либерального просветительства, которых придерживался писатель, не изменились. Но после 1861 г., когда демократы-разночинцы подняли вопрос о революционных изменениях и звали крестьянскую Русь к топору,

⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 3—4.

⁶⁶ Там же, с. 13.

⁶⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 84.

⁶⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 380.

⁶⁹ См.: Цейтлин А. Г. Литературные цитаты Ленина. М., 1934, с. 76—79.

⁷⁰ Творческая история романа «Обрыв» прослежена в книге О. Чечена «Создание двух романов». М., 1966.

эти позиции, по сути дела, становились консервативными, что и сказалось в оценке Гончаровым реформ и в идейной концепции романа «Обрыв».

Гончаров считал, что в 60-е гг. Россия пережила великую эпоху реформ: такой эпохи, такой великой работы всего царства не было с Петра» (8, 213). Поэтому к новым веяниям, к революционным призывам разночинцев и выступлениям молодежи писатель отнесся отрицательно: «вторгнулось в общество новое явление, так называемый нигилизм, явление сложное — и заглушило, на время «конечно, чистый вкус, здоровые понятия в искусстве, примешав к нему бог знает что» (8, 67—68).

Причины нигилизма Гончарову чудились в пропаганде крайних новых теорий «доморощенными агитаторами», начиная с Герцена, польскими эмиссарами и ссыльными, разносившими повсюду «гибельные идеи». Будучи в это время цензором, Гончаров в официальных отзывах отрицательно оценивал критику и публицистику Д. И. Писарева, роман Н. Г. Чернышевского «Что делать» и другие произведения беллетристов-разночинцев, где новые веяния русской жизни изображались положительно»⁷¹.

Идеологические позиции, которых придерживался Гончаров, были недостаточно четки, ограничены, противоречивы, поэтому он не мог охватить и правильно понять сложности новых отношений, не сумел оценить деятельность лучших представителей нового поколения — революционных демократов-разночинцев. Отсюда и многие просчеты и противоречия в романе.

Исследователями единодушно признано, что роман «Обрыв» — произведение необычное для творческой манеры художника. Вопреки своим утверждениям, что художнику следует изображать явления прочно устоявшиеся, полностью проявившиеся в жизни, Гончаров обратился к явлениям новым, к характерам нарождающимся. В главных героях романа он пытался воплотить новые веяния русской жизни. В «Обрыве» Гончаров сознательно символизирует образы Веры и бабушки: если в Вере ясно сказались искания молодой России, то в бабушке все было от старой России, с ее вековой традиционной мудростью и человечностью. Весь роман пронизан стремлением разобраться в противоречиях быстро текущей жизни, осмыслить связь настоящего с прошедшим и будущим. Именно это произведение подтверждает тезис Гончарова о том, что роман подобен морю, вбирающему в себя разные явления жизни. Обращаясь к типологии романа, современные исследователи приходят к выводу, что если «Обломова» мож-

⁷¹ Эти вопросы подробно освещены в кн.: Пиксанов Н. К. Роман Гончарова «Обрыв» в свете социальной истории. Л., 1968, с. 46—182.

но определить как «роман-монографию», то «Обрыв» — много-сюжетное произведение, включающее ряд самостоятельных, центральных и второстепенных историй⁷².

В первоначальном варианте роман был задуман в конце 40-х гг. в духе обличения крепостничества, в 60-е годы, на завершающем этапе работы над ним, откликаясь на злобу дня, Гончаров усложнил и изменил характеры героев и развитие сюжета. Печать двух эпох (до и послереформенной), лежащая на романе, придает ему некоторый анахронизм: Марк Волохов, нигилист, появился в действительности во второй половине 60-х гг. «В первоначальном плане романа на месте Волохова у меня предполагалась другая личность, — вспоминает Гончаров, — также сильная, почти дерзкая волей, не ужившаяся по своим новым и либеральным идеям в службе и в петербургском обществе, и посланная на жительство в провинцию, но более сдержанная и воспитанная нежели Волохов. Вера так же, вопреки воле Бабушки и целого общества, увлеклась страстью к нему и потом, вышедши за него замуж, уехала с ним в Сибирь, куда послали его на жительство за его политические убеждения» (8, 218).

Несколько раз в переписке Гончаров вспоминает об этом замысле и добавляет, «но это уже бывало сто раз... все не вышло бы ничего нового» (8, 398). Да, действительно, такое уже бывало; уже ушла Елена за Инсаровым, увлеченная его делом и идеями. И если бы роман Гончарова вышел в начале 60-х гг., то еще одна мыслящая и ищущая дела и высоких идеалов героиня могла бы послужить хорошим образцом для молодого поколения середины прошлого века. Но роман запоздал, и сам автор признался, что он «переносил» его, что один из главных героев — Марк — «вышел сшитым из двух половин: одна относится к глубокой древности, до 50-х гг., и другая — позднее, когда стали нарождаться новые люди» (8, 401).

Сильной стороной последнего романа снова стала картина сонного обломовского царства. Границы обломовщины значительно раздвинулись: обрисовались типы светской, городской и поместной обломовщины, в их разнообразных и сложных проявлениях. Жуирует жизнью в обломовском обществе Николай Васильевич Пахотин, вся служба которого сводилась к тому, чтоб заседать в «каком-то совете раз в неделю», получать звезды и выпрашивать деньги на развлечения. Его «высоконравственные» сестры, во всем следующие правилам приличия, отгородились от мира высоким забором и ливрейными лакеями и не знают жизненных забот и тревог. В этой ари-

⁷² См.: Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. М.-Л., 1962, Малахов С. А., Пруцков Н. И. Последние романы Тургенева и Гончарова. В кн.: История русского романа, т. 2. М.-Л., 1964, с. 173—189.

стократической обломовщине увядает красавица Софья Беловодова, без движения, без мыслей, без чувств.

— Подстать Судьбинскому оказываются все чиновники разных рангов. Петербургский чиновник Аянов имел крупный чин, оклад и никакого дела. Он нравился всем министрам, при которых служил. Он знал, что делается в мире, свете, в городе: «...следил за подробностями войны, если была война, узнавал равнодушно о перемене английского или французского министерства, ...всегда знал о новой пьесе и о том, кого зарезали ночью на Выборгской стороне» (5, 9), но жил он только для себя и был доволен собою. Сатирическая характеристика этой породы обломовцев венчается выразительным диалогом. Аянов предлагает Райскому ходить не к Софье Беловодовой, а к нему:

«— Ходи ко мне, вместо нее.

— Ты?

— Да, — я!

— Что же ты, красотой блистаешь?

— Блистаю спокойствием и наслаждаюсь этим, и она тоже» (5, 15).

Подстать петербургской обломовщине — провинциальная. Гончаров склонен к гиперболизации и гротеску в обрисовке стиля жизни и общего вида захолустного русского городка, похожего на кладбище, «как все эти города». В переулках и улицах даже ветер не ходит. Пыль уже третий день нетронутая, одним узором от проехавших колес лежит; «в тени забора отдыхает козел, куры, вырыв ямки, уселись в них, собаки, свернувшись, лежат разношерстной группкой, от праздности, по временам, бросаясь с лаем на прохожего. Один петух бодрствует в сонном царстве. Все потонуло в праздности, как в Обломовке».

Тычков, Крицкая — провинциальный вариант Аянова и Беловодовой. Существенной разницы нет. Молочковы, Ватутин, Викентьев, Марфинька и другие персонажи не представляли ничего нового, это все вариации обломовщины, которые были уже намечены и в «Обыкновенной истории» и «Обломове».

Трагична участь ученого Козлова: в силу окружающих обстоятельств он прячется от жизни в свои книги и тоже становится обломовцем.

Райский трактовался Гончаровым как проснувшийся сын Обломова; но это глубокое субъективное заблуждение автора. На самом деле в романе он лишний везде и всюду, на все смотрит со стороны, ни во что не вмешивается, ничего не знает и знать не хочет. Он лишь поговорил об освобождении крестьян, о несчастье Козлова, о гуманном отношении к людям, но ничего не сделал и не сделает. Он не находит себе места

и везде видит одни миражи. И любовь, и искусство, и попытки писать — все это тоже миражи.

Правда, Райский, в отличие от Обломова, понял, что «люди рвутся вперед, ищут улучшить себя, очистить понятия, прогнать туман, условиться поопределительнее в общественных вопросах, в правах, нравах...» он хотел бы, чтобы захолустные города—эти обширные кладбища—превратились бы в жилые места, чтобы встряхнулись спящие умы от застоя (5, 213—215). Но сам он для этого ничего не делал. Несмотря на все порывы, метания, противоречия и рассуждения, ясно проступает социальная характерность Райского как обломовца.

Распростившись в «Обломове» с обломовщиной, в новом романе Гончаров доказал правоту Добролюбова, упрекавшего писателя за то, что он принял желаемое за действительное. Обломовщина и обломовы процветали, определяя весь ход русской жизни.

И естественно, что все молодое, новое, яркое и сильное должно было стремиться вырваться из этой сонной одури. Основной конфликт романа в том и состоит, что молодая Россия, воплощенная в образе Веры, всеми силами жаждет сбросить узы обломовского царства, ищет новых людей, могущих указать цель и повести к настоящему делу. Подобные ситуации были характерны для русского общества, и не случайно основу сюжетов романов И. С. Тургенева составляли аналогичные конфликты («Рудин», «Накануне», «Новь»).

Пытаясь по-своему показать острый конфликт действительности, Гончаров выделил Веру из среды обломовцев. Это характер сильный, ищущий, целеустремленный, незаурядный.

Вера — развитие образов Наденьки Любецкой, Лизаветы Александровны, Ольги Ильинской, ее характер — творческая удача Гончарова. «Его Вера жива, — писал В. Г. Короленко. — На мой взгляд, она понятнее, живее, индивидуальнее тургеневской Елены: в ней ярче чувствуется то, что переживало тогдашнее «молодое» поколение»⁷³.

Безусловное и полное отрицание старого обломовского образа жизни, страстные поиски свободы, правды, бесстрашие в стремлении дойти до конца в любом вопросе — это все органически вытекало из ее характера. Характер же складывался без посторонних давлений, самостоятельно. Пристальное внимание к окружающему, критический ум, осмысленное чтение серьезных книг (Прудон, Фейербах), независимость и широта суждений — все это определило ее мироощущение как человека нового и остро чувствующего все нерутиное, необычное. Поэтому-то она и пошла за Марком Волоховым, избрала его в качестве друга и учителя. Когда же она поняла дрян-

⁷³ Короленко В. Г. Собр. соч., т. 8, с. 260.

ность и беспринципность Марка, его внутреннюю несостоятельность, то нашла в себе силы уйти от него, не оглядываясь и ни о чем не сожалея. Жизнь дала ей пусть тяжелый, но полезный урок.

И вот тут-то Гончаров допустил художественный просчет, связанный, впрочем, с его идейными установками: он заставил непокорную Веру покориться и принять бабушкины правила и принципы. По воле автора Вера занялась дамскими рукоделиями и мелкой благотворительностью, сблизилась с семьей заволжского священника, стала глубоко религиозной и «гордо возмечтала силою любви изменить эту новую ложь на свою старую правду и обратить отщепенца в свою веру» (8, 96). Впоследствии Гончаров, видимо, понял свою ошибку в развитии характера героини. Такую натуру, как Вера, никакие неудачи не могли сломить, она шла бы до конца в своем стремлении найти дело, стать полезной и нужной людям, как это делали многие образованные женщины 60-х гг. прошлого века, как это сделала Екатерина Майкова⁷⁴.

В конце романа Гончаров дает понять читателю, что Вера пойдет к новой жизни другим, сознательным путем, вместе с заволжским Робертом Овеном — Тушиным. Что это за новая жизнь и сознательный путь — об этом автор так и не рассказал, «оставляя это на долю другим, молодым и свежим силам» (8, 97).

Чтоб возратить Веру в лоно бабушкиной правды, автор должен был возвеличить последнюю, и он это сделал, превратив Татьяну Марковну Бережкову не только в достойного уважения человека, но и в своеобразный символ старой России (6, 430).

В изображении Бережковой и ее имения Малиновки переплелись две тенденции: с одной стороны, субъективное желание автора показать все лучшее в старых патриархальных порядках, с другой — стихийный реализм писателя. Малиновка представлена благодатным уголком, счастливым приютом, где все благоволило человеку. Бабушка управляла всеми с практической мудростью. Однако черты обломовского существования, вопреки намерениям автора, все равно всплывают на поверхность. В Малиновке тот же застой, те же заботы об обеде, сне, ужине, так же бездельничают господа, как и в Обломовке. В рассказ о занятиях бабушки даже вкрадывается авторская ирония, ибо труд бабушки — это не потребность, не необходимость, а своего рода развлечение: она «...лето про-

⁷⁴ Екатерина Павловна, жена Вл. Н. Майкова, в 1866 г. оставила семью, детей, уехала сначала к отцу, потом жила в коммуне. Добилась независимости, занималась общественной деятельностью. Разлад в семье произошел на идеологической почве. На правах десятилетней дружбы с семьей Майковых, И. А. Гончаров пытался вернуть ее к детям, к мужу, но безуспешно.

водила в огороде и саду: здесь она позволяла себе, надев замшевые перчатки, брать лопатку, или грабельки, или лейку в руки, и, для здоровья, вскопает грядку, польет цветы, обчистит какой-нибудь куст от гусеницы, снимает паутину с смородины, и, усталая, кончит вечер за чаем» (5, 71).

Бабушка — убежденная крепостница; она круто управляла имением, распоряжалась и повелевала крестьянами «деспотически на феодальных началах».

Тема крепостничества занимает большое место в «Обрыве». В Малиновке ничто и никогда не могло истребить различий между «господами и людьми». Бережкова не считала крестьян за людей и заботилась о них постольку, поскольку важно было сохранить их как работников. Всем этим егоркам, васькам, мотьям — дворовым людям — жилось не легко. Закостенела в одиночестве, отдав все силы молодости и здоровья барыне, рыхлая экономка Василиса; крепостная Улита все дни проводит в подвалах, кладовых, погребах, так что сама вся отсырела и навечно промерзла, лицо ее приобрело синевато-красный румянец, даже в праздники она не знала отдыха. Печально положение девочки Пашутки — «обязанность ее... стоять плотно прижавшись в уголке у двери и вязать чулок, держа клубок подмышкой, но стоять смирно, не шевелясь, чуть дыша, и по возможности не спускать с барыни глаз, чтоб тотчас броситься, если барыня укажет ей пальцем»; одевают девочку «в платье, сделанное из старой юбки, но так, что не разберешь, задом или наперед сидело оно на ней; ноги обуты в большие не по летам башмаки» (5, 339—340). Если взять этот портрет вне контекста, то можно подумать, что он принадлежит перу Салтыкова-Щедрина.

«Людей» у Бережковой «лечит» невежественная Меланхолиха, неважно, что после этого «иногое скоробит на весь век в три погибели, или другой... кряхтит потом всю жизнь», важно, чтоб «мужик или баба поработали опять» (5, 66). Не балуют крестьян и едой: тюря — хлеб с луком да квасом — их основная пища. У мужиков не бывает аппетита, они всегда утоляют голод, поэтому они едят молча, не торопясь, прилежно, будто исполняют работу.

Жанровые сценки из крестьянского быта и прекрасные портреты отдельных дворовых людей свидетельствовали о гуманизме Гончарова, о глубоком понимании положения крепостных крестьян. Хотя он и любил свою Бережкову, но замечал, что ни о каких вольностях или «общем благе она и слышать не хотела» (5, 74).

От отдельных портретов и сенок Гончаров обратился к обобщению положения крепостных. Если в «Обломове» символична фигура одинокого пахаря, палимого зноем, изнывающего в труде, то в «Обрыве» предстает картина подневольного труда целого народа: Райский глядел «на тупую за-

думчивость мужика, на грубую, медленную и тяжелую его работу—как он тянет ременную лямку, таща барку, или, за-теревшись в бороздах нивы, шагает медленно, весь в поту, будто несет на руках и соху и лошадь вместе — или как беременная баба, спаленная зноем, возится с серпом во ржи» (5, 254).

Сочувственно отношение к крепостным, правдивое изображение их положения и подневольного труда оказались в противоречии со старой правдой. Гончаров невольно приводил читателя к выводу, что крепостной строй идет к крушению, что старая правда не привлечет к себе молодые силы, что Вера не может вдруг полностью перемениться и подчиниться бабушкиным порядкам.

Гончарову казалось, что изменения в крепостной России произойдут «путем реформ», старое само постепенно отомрет, а новое разовьется «без насилия, боя и крови». И в романе появилась фигура Тушина, русского Роберта Оуэна, мыслившаяся автором как развитие образов Петра Адуева и Штольца. В последней части романа, в XVIII главе, автор вместе с Райским любит своим идеальным героем и хочет убедить читателя, что «Тушины — наша истинная «партия действия», наше прочное «будущее»... когда все будет свободно, когда все миражи, лень и баловство исчезнут, уступив место настоящему «делу», множеству «дела» у всех,—когда с миражами исчезнут и добровольные «мученики», тогда явятся, на смену им, «работники», тушины на всей лестнице общества» (6, 394).

Тушин должен был стать противоядием Марку Волохову и повести за собою молодую Россию не в обрыв, а в идеальное имение — фаланстеру, где хозяин «дюжий работник между своими работниками», руководитель их судеб и благосостояния, где есть банк, больница, школа и что-то вроде исправительной полиции для мужиков (6, 394—396). Знаменательно, что имения-фаланстеры устроены так, что крестьян по-прежнему кто-то опекает, поучает, благодетельствует.

Идеализируя Тушина и его программу, Гончаров, в силу своих либеральных убеждений, отрицательно относился к революционным призывам разночинцев-демократов. Фигура Марка Волохова, это тенденциозное изображение «новых людей», в известной мере заслонила автору и его критикам сильные стороны романа.

Марк Волохов—самый трудный и неясный для автора персонаж. В первоначальном замысле он представляется передовым, смелым и сильным борцом против крепостничества. В окончательном варианте романа Гончаров отказался от изображения политических убеждений героя и его серьезных действий. Марк много говорил о труде, деле, дерзко отрицал все земные и небесные авторитеты, добродетели и пороки. Однако, кроме раздачи запрещенных книг гимназистам, он ниче-

го не делал, а его «новое учение не давало ничего, кроме того, что было до него: ту же жизнь, только с унижениями, разочарованиями, и впереди обещало — смерть и тлен» (6, 316). Марк — носитель «новой лжи», все отрицая, он ничего не предлагал взамен, никакой реальной программы, а к явлениям общественной жизни подходил вульгарно-материалистически. Марк окарикатурен в своих действиях, он вовсе не «волк», а озорник, воруящий яблоки из чужих садов и науськивающий собак на полицию. Подобные «герои» ничего не давали России, они могли привести ее к падению, к позору. И хотя впоследствии Гончаров много раз повторял, и в письмах, и в предисловиях к роману, что он не хотел оскорбить или опорочить новое поколение, тем не менее фигура Марка вносила в роман реакционную тенденцию. И все же в «Обрыве» преобладают прогрессивные и гуманистические идеи: разоблачение обломовщины в ее новых разновидностях, понимание кризиса крепостнического общества и патриархальных норм жизни; показывая «состояние брожения» в период борьбы старого с новым, Гончаров утверждает закономерность поиска новых путей, высоких целей, благородных идеалов.

Несмотря на все противоречия, «Обрыв» нельзя ставить в один ряд с «антинигилистическими» романами, утверждающими реакционные охранительные идеи.

Романы Гончарова — этапы творческого развития писателя и важные явления общественной жизни. В них была осознана политическая и социальная сущность обломовщины, изображено русское общество в период брожения и расчета с крепостным строем. Необходимость борьбы с обломовщиной, как порождением косности и застоя во всех сферах жизни, — ведущая тенденция всего творчества писателя.

Обломовщина как общественное явление сохранила свое политическое значение во второй половине XIX и в начале XX в., поэтому вопрос о борьбе с ней оставался актуальным.

Обломовщина, по Ленину, это бездеятельность, праздная мечтательность, разгильдяйство, неорганизованность, излишняя доверчивость. Противоядие всему этому надо искать в революционной инициативе масс.

Значительна роль Гончарова в истории русского романа. Вопросам своеобразия жанра романа, его содержанию, форме, принципам типизации он уделял очень большое внимание как практически, так и в теоретических высказываниях. Для Гончарова роман — синтетический жанр, в нем должен преобладать эпический способ объективного повествования. В то же время, вопреки своим заявлениям о бессознательно-объективном характере творчества эпического писателя, в своих романах Гончаров выступал как человек, страстно заинтересованный в утверждении или отрицании определенных

явлений общественной и литературной борьбы. Не только «Обрыв», но и «Обыкновенная история» и «Обломов» публицистичны, полемичны и не лишены дидактизма, как почти все русские романы 60-х гг. В первом романе Гончаров боролся с романтизмом; в «Обломове» — беспощадное разоблачение крепостничества; в «Обрыве» нашли выражение и противоречия писателя и острые разнородные тенденции самой действительности. Поэтому попытки дореволюционной критики толковать Гончарова как «артистический талант», как писателя аполитичного и объективиста, не требуют специального анализа.

Успех И. А. Гончарова не был случайным и кратковременным. Его романы заставляли и заставляют думать о жизни, о человеке, его роли и назначении.

В 70-е гг. Гончаров пережил идейный и художественный подъем. В это время им написаны: критический разбор «Горе от ума» Грибоедова — «Мильон терзаний», «Заметки о личности Белинского», заметки о своих трех романах — «Лучше поздно, чем никогда», очерк «Поездка по Волге».

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

И. А. Гончаров — выдающийся писатель. Именно он выступил в нашей литературе как блестящий бытописатель крепостного уклада и как изумительный мастер в создании законченных художественных типов.

Создавая свои предельно жизненно яркие характеры, выражая через них объективно правильное понимание и оценку фактов действительности, Гончаров внешне был чрезвычайно далек от нарочитой тенденциозности, от навязывания читателю своих мыслей и идей, что и позволило революционно-демократической критике в полной мере использовать его романы и особенно «Обломова» для политической острой оценки целого общественного уклада самодержавно-крепостнической России.

С позиций реальной критики Н. А. Добролюбов подчеркнул художественную объективность Гончарова: «Нам кажется, что в отношении к Гончарову более, чем в отношении ко всякому другому автору, критика обязана изложить общие результаты, выводимые из произведения. Есть авторы, которые сами на себя берут этот труд, объясняясь с читателем относительно цели и смысла своих произведений... У Гончарова совсем не то. Он не дает, и, по-видимому, не хочет дать, никаких выводов. Жизнь, им изображаемая, служит для него не средством к отвлеченной философии, а прямою целью сама по себе. Ему нет дела до читателя и до выводов, какие вы сделаете из

романа: это уже ваше дело. Ошибетесь — пеняйте на свою близорукость, а никак не на автора. Он представляет вам живое изображение и ручается только за его сходство с действительностью, а там уже ваше дело определить степень достоинства изображаемых предметов». И далее: он «умеет выдерживать, взлелеять в душе своей образ предмета и потом ярко и полно представить его, — это значит, что у него чуткая восприимчивость соединяется с глубиной чувства. Он до времени не высказывается, но для него ничто не пропадает в мире... В нем, как в магическом зеркале, отражаются и по воле его останавливаются, отливаются в твердые недвижимые формы — все явления жизни, во всякую данную минуту. Он может, кажется остановить саму жизнь, навсегда укрепить и поставить перед нами самый неуловимый миг ее, чтобы мы вечно на него смотрели, поучаясь и наслаждаясь»⁷⁵.

Произведения и образы Гончарова давали «законный повод к рассуждениям» о крепостной системе и всех пороках общества, ею порождаемых. В 50-х и 60-х гг. все социальные общественные вопросы «сводились к борьбе с крепостным правом», и естественно, что в той обстановке творчество Гончарова чрезвычайно содействовало пониманию несостоятельности старых крепостнически-патриархальных отношений и было пронизано пафосом ожидания нового и неясных надежд в будущем.

Гончаров по своим убеждениям был сторонником просвещения, гуманности, демократизма, он ненавидел крепостное право, косность, застой, но в своих произведениях не произносит страстных обличительных речей, а предоставляет слово самой действительности (разрядка моя. — *Н. П.*). Из фактов действительности, изображенных во всей полноте и живости, как бы отчеканенных и освещенных со всех сторон, тенденция вытекала сама собою.

Стремление к полноте раскрытия фактов действительности составляло пафос творчества многих писателей середины прошлого века, что и нашло выражение в больших эпических жанрах — повестях, романах — как наиболее удобных формах изображения общественной жизни. И в этом плане творчество Гончарова и его эстетические взгляды были ярким выражением основных тенденций развития русского критического реализма 50-х — 60-х гг. прошлого века.

В историю мировой литературы И. А. Гончаров вошел как «один из самых ярких реалистов гоголевской школы»⁷⁶. (В. Г. Короленко). Его романы стали широко известными еще

⁷⁵ Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. 2, с. 108—109.

⁷⁶ Короленко В. Г. Собр. соч., т. 8, с. 255.

при жизни писателя не только в России, но и на Западе⁷⁷. И до сегодняшнего дня они сохранили художественную свежесть и познавательное значение. Их этическое и эстетическое воздействие огромно.

К литературе и художественному творчеству И. А. Гончаров относился очень серьезно, предельно ответственно, отбирая для опубликования лишь самые лучшие из своих произведений.

Первые произведения получили высокую оценку публики, крупнейших писателей-современников и революционно-демократической критики.

Успех И. А. Гончарова не был случайным и кратковременным, ибо его романы заставляли и заставляют думать о жизни, о человеке, о его роли и назначении.

Уже «Обыкновенная история» привела в восторг В. Г. Белинского, увидевшего в начинающем писателе замечательный талант и прочившего ему много хорошего в будущем. В письме к В. П. Боткину от 17 марта 1847 г. В. Г. Белинский делится своими впечатлениями: «Действительно, талант замечательный. Мне кажется, что его особенность, так сказать, личность, заключается в совершенном отсутствии семинаризма, литературщины и литературства, от которых не умели и не умеют освободиться даже гениальные русские писатели... Я уверен, что тебе повесть эта сильно понравится. И какую пользу принесет она обществу! Какой она страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму!»⁷⁸

В произведении Гончарова критик уловил художественное чутье писателя, выразившееся в моральном и эстетическом развенчании романтизма.

В обзоре русской литературы за 1847 г. Белинский поставил «начинающего» Гончарова рядом с А. И. Герценом, увидел в их произведениях новые возможности развития реализма. Автору «Обыкновенной истории» Белинский отводит «одно из самых видных мест» в русской литературе.

Подробно разбирая содержание романа и характеры основных героев, критик подчеркнул, что гончаровские дядя и племянник — не абстрактные идеи, а живые лица, типичные фигуры. Через эти персонажи и их столкновения раскрываются общественные проблемы, развенчивается романтизм в жизни и литературе. Основная тенденция романа — антидворянская, однако показана и ущербность практической философии

⁷⁷ В 1861 г. перевод «Обломова» появился в Праге, в 1868 г. — в Лейпциге, в 1877 г. и в 1886 г. — во Франции. В 1872 г. переведена на чешский и сербский языки «Обыкновенная история», в 1877 г. этот роман переведен на датский язык, в 1884 г. — на немецкий.

⁷⁸ Белинский В. Г. Избр. письма. М., 1955, с. 311.

Адуева-старшего. Белинскому представлялось недостаточно убедительным превращение Александра в конце романа в карьериста и благоразумного приобретателя. Предлагая политически острое решение проблемы, критик предпочел бы видеть его защитником реакционной романтики, славянофилом.

Думается, что Белинский в данном случае не оценил всей широты обобщения, выраженной в этой обыкновенной истории обыкновенного, заурядного, среднего, не очень умного и не очень настойчивого человека. Александр Адуев живет на уровне своего века, из «сумасброда» и «мечтателя», «трижды романтика» он превращается в человека, «каких много в Петербурге». Вся жизнь героя, его мечты и переживания, любовные увлечения, неглубокие и наигранные (он постоянно играет роль и как бы наблюдает себя со стороны) разочарования и отрезвления и, наконец, решение «делать карьеру и форту» по-деловому, без глупостей и «желтых цветов» — все это идет под флагом «обыкновенной истории». В этом сказалось влияние гоголевской традиции — «в изображении... плоских и пошлых лиц, лишенных всякой самостоятельности и оригинальности»⁷⁹.

В. Г. Белинский отметил необыкновенное мастерство писателя в раскрытии женских характеров, изящество и тонкость рисунка, великолепный язык и стиль мастера и, как самый существенный, отличительный признак, — умение «схватить данный предмет во всей его истине, заставить его, так сказать, дышать жизнью»⁸⁰.

Указывая на сознательное отношение автора к изображаемому, на беспощадное разоблачение романтики и «адуевщины», Белинский в то же время несколько преувеличил бесстрастность Гончарова и его «художническую» объективность.

Невольно напрашивается мысль, что великий критик не понял до конца своеобразия творческой манеры писателя, предпочитавшего говорить с читателем образами: «...если сам образ не говорит вашей душе, что могут сказать вам слова?»⁸¹.

Н. А. Добролюбов не повторил ошибки Белинского. Он показал объективность приемов изображения у Гончарова, за которыми скрывается авторская тенденция, пристрастие, порой юмор и сарказм. Иногда объективность приемов изображения нарушается, и повествование становится дидактическим (авторские рассуждения в романе «Обломов» по поводу Штольца).

⁷⁹ Белинский В. Г. Собр. соч., т. 3, с. 813—814.

⁸⁰ Там же, с. 805.

⁸¹ Гончаров И. А. Собр. соч., т. 8, с. 79.

В творческой манере И. А. Гончарова Н. А. Добролюбов отметил необыкновенно точное, живое изображение действительности в ярких картинах и пластических, детально выписанных образах⁸². «В этом умении охватить полный образ предмета, отчеканить, изваять его — заключается сильнейшая сторона таланта Гончарова... Из нее легко объясняются все остальные свойства его таланта. У него есть изумительная способность — во всякий данный момент остановить летучее явление жизни, во всей его полноте и свежести, и держать его перед собою до тех пор, пока оно не сделается полной принадлежностью художника»⁸³.

В статье «Что такое обломовщина?» определено не только своеобразие художественной манеры Гончарова. Эта статья — классический образец социально-эстетического анализа произведения и проникновения в логику творческого мышления писателя, что и признал И. А. Гончаров в письме к Анненкову. «Взгляните, пожалуйста, статью Добролюбова об «Обломове»: мне кажется, об обломовщине, то есть о том, что она такое, уже сказать после этого ничего нельзя... Двумя замечаниями своими он меня поразил: это проникновением того, что делается в представлении художника. Да как же он, не художник, знает это? Такого сочувствия и эстетического анализа я от него не ожидал, воображая его гораздо суше»⁸⁴.

Влияние статьи Добролюбова, видимо, было настолько велико, что впоследствии в статье «Лучше поздно, чем никогда» Гончаров повторил положения критика и согласился с его замечаниями.

Добролюбов обращал внимание читателей на «необыкновенное богатство содержания» романа и его общественно-социальное значение: «История о том, как лежит и спит добряк-ленивец Обломов, и как ни дружба, ни любовь не могут пробудить и поднять его, — не бог весть какая важная история. Но в ней отразилась русская жизнь, в ней предстает перед нами живой, современный русский тип, отчеканенный с беспощадной строгостью и правильностью, в ней сказано новое слово нашего общественного развития, произнесенное ясно и твердо, без отчаяния и без ребяческих надежд, но с полным сознанием истины. Слово это — о б л о м о в щ и н а: оно служит ключом к разгадке многих явлений русской жизни, и оно придает роману Гончарова гораздо более общественного значения, нежели сколько имеют его наши обличительные повести. В типе Обломова и во всей этой обломовщине мы видим нечто более, нежели просто удачное создание сильного таланта;

⁸² См.: Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. 2, с. 109.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Гончаров И. А. Собр. соч., т. 8, с. 323.

мы находим в нем произведение русской жизни, знамение времени»⁸⁵.

Итак, роман — знамение времени, тип Обломова — коренной, реальный тип, не новый в нашей литературе, с течением времени он изменял свои формы. Главные черты этого типа легко обнаруживаются в так называемых «лишних людях». И далее Добролюбов обнажает «социальные корни обломовщины» — крепостное право — и прослеживает эволюцию дворянской интеллигенции, от Онегина до Обломова включительно. И в знаменитой аллегории с лесом, болотом и взобравшимися на деревья «передовыми» людьми критик внушает читателю, что дальше мириться с обломовщиной, т. е. с застоём, безделием, апатией, равнодушием, барством и угнетением, с тем положением, когда на одного лентяя трудится 300 обездоленных, — невозможно! Надо идти вперед, надо бороться, а не ждать, что обломовы слезут с теплого дивана и Обломовка сама по себе уйдет в прошлое. Обломовка и обломовщина живы и долго еще будут отравлять настоящее и губить живое, если против них не подымутся все силы общества.

В романе критик не только увидел разоблачение Обломова и обломовщины, несостоятельность Штольца и его планов обновления жизни, но и услышал ясно сказанные слова: «Дальше так жить невозможно!» Надо бороться с обломовщиной! Надо постоянно идти вперед! Обломовщина многолика! Ее надо распознавать в любых облициях и произносить ей суд беспощадный! Именно поэтому он так восторженно писал о героине романа. Ольга, по Добролюбову, это «высший идеал, какой только может теперь русский художник вызвать из теперешней русской жизни... В ней-то более, нежели в Штольце, можно видеть намек на новую русскую жизнь; от нее можно ожидать слово, которое сожжет и развеет обломовщину»⁸⁶. «Обломовщина хорошо ей знакома, она сумеет различить ее во всех видах, под всеми масками, и всегда найдет в себе столько сил, чтоб произнести над нею суд беспощадный...»⁸⁷

Подчеркивая острую злободневность поставленных в романе проблем, их связь с жизнью и социально-политическое звучание, Добролюбов в то же время раскрыл своеобразие художественного мастерства Гончарова, показал пластичность и строгую законченность его лучших, по исполнению, характеров, полноту картин и образов, в которых каждая деталь имеет важное значение. Поэтому статья «Что такое обломовщина?», лучшее из всего написанного о Гончарове, стала основой правильного понимания и романа и творческой манеры писателя в целом.

⁸⁵ Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. 2, с. 113.

⁸⁶ Там же, с. 139.

⁸⁷ Там же, с. 141.

Статьи революционно-демократических критиков В. Г. Белинского и Н. А. Добролюбова, посвященные Гончарову, настолько глубоки, действенны, богаты мыслями и тонкими наблюдениями, что они никогда не утратят своего значения.

Эстетическая и либеральная критика середины прошлого века (Дружинин, Погодин) в противовес революционным демократам пытались представить Гончарова писателем аполитичным, чуждым интересам времени и злобе дня. В «Вестнике Европы» (№ 1—5) был опубликован последний роман Гончарова «Обрыв», произведение противоречивое, свидетельствующее об ограниченности автора в понимании действительности после 1861 г. Либерализм и политическая ограниченность в мировоззрении привели Гончарова к искажению перспективы развития России, к идеализации старого патриархального быта и созданию ложного образа Марка Волохова. Но сильной стороной нового романа по-прежнему была критика обломовщины, в ее более сложных проявлениях.

Вокруг романа и его главного героя завязалась острая полемика в тогдашних журналах, усилился интерес к творчеству писателя. В 70-е—90-е гг. появился целый ряд работ, посвященных исследованию творчества Гончарова. Однако ни народническая, ни буржуазно-либеральная критика не внесла ничего принципиально нового в его понимание.

Народническая и буржуазно-либеральная критика преувеличивала субъективизм писателя, его любовь к «обломовщине», идеализацию буржуазности. Эта «критика», объявив Гончарова певцом «обломовщины», навязывала читателю мысль, что Обломов сугубо национальный тип, «обломовщина» — черта русского «национального психологического склада» (Д. Н. Овсяннико-Куликовский).

Это было уже прямой клеветой на русский народ и на писателя. Характеристика позиций наиболее крупных буржуазно-либеральных исследователей творчества Гончарова дана во «Введении» к книге А. Г. Цейтлина «И. А. Гончаров»⁸⁸.

* * *

*

После Октябрьской революции, когда вся классическая русская литература становится достоянием народа, произведения И. А. Гончарова как бы начали свою новую жизнь. Они — постоянные наши спутники уже со школьной скамьи. Маленький пятиклассник, читая знаменитый «Сон Обломова», впервые начинает чувствовать и понимать великолепный юмор Гончарова. Познакомившись с Илюшей Обломовым, он с уди-

⁸⁸ См.: Цейтлин А. Г. Указ. соч.

влением и некоторым еще неосознанным презрением говорит о том, что Илюша «не умел даже чулки себе надеть»!

Подрастая, мальчики и девочки открывают для себя новые миры, читая романы Гончарова, прелесть которых совершенно невозможно постигнуть, знакомясь лишь с отрывками из «Обломова».

Произведения и образы Гончарова живут и помогают людям в их борьбе за лучшую жизнь и лучшего человека. Поэтому, видимо, и любил перечитывать Гончарова В. И. Ленин. Особенно часто Владимир Ильич обращался к «Обломову», вспоминая главного героя, отдельные эпизоды романа и даже выражения в своей переписке и публицистике. «Образы «Обломова» часто приходили В. И. Ленину на память, занимая среди цитат Ленина в количественном отношении третье место после «Мертвых душ» и «Горя от ума», — как подсчитал А. Г. Цейтлин⁸⁹.

В советском литературоведении творчество И. А. Гончарова получило объективную и правильную оценку.

Классические статьи революционно-демократических критиков, политически острое истолкование образов «Обломова» и обломовщины В. И. Лениным, новое прочтение произведений писателя с точки зрения общественно-политических, эстетических и этических задач, стоящих перед трудящимися страны, — все это позволило советскому литературоведению творчески подойти к углубленному анализу художественного и критико-публицистического наследия Гончарова.

В наше время творчество Гончарова в разных направлениях подвергается тщательному исследованию. Жизнь писателя, его мировоззрение и эстетические взгляды, творческая история отдельных произведений и их идейно-художественный анализ, своеобразие поэтического языка писателя и его стиля — вот далеко неполный перечень вопросов, рассматриваемых в сегодняшней литературе о Гончарове.

В настоящее время накоплен обширный материал о жизни писателя⁹⁰. Это воспоминания современников, переписка Гончарова, варианты его автобиографий. Но все это разбросано в периодических дореволюционных (преимущественно) изданиях и еще не собрано воедино. Между тем, давно бы следовало издать сборник «Гончаров в воспоминаниях современников» и полностью переписку писателя.

⁸⁹ Цейтлин А. Г. Литературные цитаты Ленина. М., 1934, с. 75—78.

⁹⁰ См. Библиографические указатели: Бухштаб Б. Я. И. А. Гончаров. Указатель основной литературы. Гос. публ. б-ка, 1948; Рыбасов А. И. И. А. Гончаров. (см. краткую библиографию в конце книги. Русские писатели второй половины XIX—начала XX в. Рекомендательный указатель литературы). М., 1958, с. 169—187; История русской литературы XIX в. Библиографический указатель. М., 1962.

Интересный биографический материал собран и откомментирован в книгах А. Г. Утевского «Жизнь Гончарова»⁹¹ (М., 1931), П. С. Бейсова «Гончаров и родной край» (Ульяновск, 1957), в статье этого же автора: «Гончаров и Симбирск» (В кн.: И. Гончаров. На Родине. Ульяновск, 1956) и «Служба И. А. Гончарова в Симбирске» («Русская литература», 1960, № 1).

В 1960 г. вышла книга А. Д. Алексеева «Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова». В ней широко использованы архивные материалы, письма писателя и его современников, тогдашняя журналистика.

Однако до сих пор еще не написана научная биография И. А. Гончарова и не подвергнуты обстоятельной критике работы Е. Ляцкого «Роман и жизнь» (Прага, 1920) и А. Мазона «Un maître du roman russe, Ivan Contscharow» (Paris, 1914), содержащие большой фактический материал, но искажающие облик писателя.

Широкое распространение в советском литературоведении получил популярный очерк о жизни и творчестве писателя. К числу удачных работ о Гончарове в этом жанре относятся работы Н. К. Пиксанова, С. М. Петрова, А. Котова⁹².

Наиболее полно, в форме художественного рассказа, изложены факты жизни и творчества писателя в книге А. Рыбасова «И. А. Гончаров»⁹³. Это популярный очерк, написанный живо и выразительно, в расчете на широкого читателя. В конце книги — небольшая летопись жизни писателя и библиография. Здесь ошибочно, на наш взгляд, рекомендована статья Либровича (В. Русакова) «Случайные встречи с И. А. Гончаровым», которая возмутила Гончарова, что следовало отметить Рыбасову. Популярный очерк А. Рыбасова вышел вторым изданием в 1962 г.

Большую пользу принесет знакомство с интересными и глубокими исследованиями о Гончарове Н. К. Пиксанова. Его статьи «Белинский в борьбе за Гончарова» («Учен. зап. Ленингр. ун-та», серия филол. наук. 1941, вып. 11); «Обломов» И. А. Гончарова. («Учен. зап. кафедры рус. лит. Моск. ун-та, 1948, вып. 127, кн. 3). «Роман Гончарова «Обрыв» в свете социальной истории» (Л., 1968) интересны подбором фактичес-

⁹¹ Хотя по жанру работа Утевского больше напоминает общий очерк жизни и творчества писателя.

⁹² Пиксанов Н. К. Мастер критического реализма. В кн.: Гончаров И. А. Л., 1952; его же И. А. Гончаров. В кн.: История русской литературы М., 1955, ч. 1; Петров С. М. И. А. Гончаров. Критико-библиографический очерк. В кн.: Гончаров И. А. Соч., т. 1. М., 1952; Котов А. К. Статьи о русских писателях. М., 1962.

⁹³ См.: Рыбасов А. И. А. Гончаров. М., 1957.

кого материала и обстоятельным анализом творческой истории и содержания романов Гончарова.

Лучшим и наиболее полным исследованием творчества Гончарова до сих пор остается монография А. Г. Цейтлина⁹⁴.

В обширной монографии показано творческое развитие Гончарова в русле критического реализма, освещены эстетические взгляды писателя, интересно раскрыты художественные приемы создания типов и образов. Подвергнуты критике ошибочные концепции некоторых дореволюционных и зарубежных исследователей творчества писателя.

А. Г. Цейтлин впервые в примечаниях к монографии опубликовал альбомные записи молодого Гончарова, варианты «Обломова», широко использовал неопубликованные еще тогда письма к Майковым, С. В. Никитенко, И. И. Льховскому и др.

Центральное место в монографии занимает разбор романов Гончарова и очерков «Фрегат Паллада».

Подробно и верно характеризуя идейное содержание художественных произведений писателя, исследователь мало внимания уделил анализу формы романов, стилистике и языковым приемам автора. Этот недостаток отчасти восполнен в интересной главе «Образ и приемы его типизации».

Удачно и убедительно показана роль Гончарова в развитии реализма и общественно-литературной борьбы в главах «Наследие Гончарова за рубежом», «Гончаров и русские писатели XVIII—XIX столетий», «Образы Гончарова в произведениях Ленина».

Главы о ранних литературных опытах Гончарова и о последнем периоде жизни и деятельности писателя излишне лаконичны. В монографии, к сожалению, не прослежена эволюция Гончарова-художника и теоретика литературы.

Не удалась исследователю глава о художественном методе писателя. Вместо художественного анализа произведений и приемов предметной и стилевой детализации у Гончарова Цейтлин попытается привести в систему эстетические взгляды писателя и подтвердить их примерами из произведений. Здесь две ошибки: с одной стороны, понятие творческого художественного метода подменяется эстетическими взглядами писателя; с другой — эстетические взгляды рассматриваются вне их эволюции и не учитывается возможность противоречий теоретических построений писателя с его художественной практикой. Опираясь преимущественно на высказывания Гончарова о литературе, ее задачах, о творческом процессе, замыслах и решениях, Цейтлин иногда некритически подходит к замечаниям и признаниям Гончарова.

И. А. Гончаров — великолепный стилист. С точки зрения речевой структуры, его романы представляются целыми сим-

⁹⁴ См.: Цейтлин А. Г. Указ. соч.

фониями. Недаром корифей русской литературы похищался «слогом» Гончарова.

В монографии А. Г. Цейтлина о слогом писателя маловыразительные общие фразы вроде: «Велик вклад, который Гончаров внес в развитие русского литературного языка. Речь его богата по своему словарному составу. Она чиста, ибо ориентируется не на „диалекты и жаргоны, а на разговорный язык... Языку Гончарова присуща гибкость синтаксических конструкций»⁹⁵.

Несмотря на указанные недостатки, монография А. Г. Цейтлина — серьезное научное исследование, богатое наблюдениями. Книга написана живо и увлекательно.

К сожалению, монография А. Г. Цейтлина сейчас стала библиографической редкостью.

Вопросы художественного метода (правильнее было бы говорить не о методе, а о манере или стиле) Гончарова затрагиваются в ряде работ Н. И. Пруцкова⁹⁶. Так в статье «Проблемы художественного метода передовой русской литературы 40-х—50-х гг. XIX в.» Пруцков рассматривает роман «Обломов» как развитие тенденций Пушкина и Гоголя.

В неудачной в целом работе этого автора «Вопросы литературно-критического анализа» (М., 1960) самые интересные страницы посвящены анализу структуры некоторых образов и композиционных приемов в «Обломове» (с. 93—125). В журнале «Русская литература» (1961, № 4) появилась весьма спорная статья Н. И. Пруцкова «О художественном своеобразии Гончарова-романиста», содержащая целый ряд неверных положений.

В связи со 150-летием со дня рождения И. А. Гончарова усилился интерес к его творчеству и появились новые работы о писателе и об отдельных его произведениях. Из последних работ наиболее интересны публикации и статьи в журнале «Русская литература»⁹⁷ и книга Н. И. Пруцкова «Мастерство Гончарова-романиста»⁹⁸.

⁹⁵ Цейтлин А. Г. Цит. соч., с. 437.

⁹⁶ Сб.: Историко-литературные очерки. Под ред. А. Г. Цейтлина: Грозный, 1947.

⁹⁷ См.: Ковалева Н. И. Гончаров — редактор газеты «Северная почта». «Русская литература», 1958, № 2, с. 130—141; Блиничевская М. Неизвестные письма И. А. Гончарова. «Вопросы литературы», 1962, № 6, с. 182—184; Демиховская О. «Неизвестная повесть И. А. Гончарова «Нимфодора Изюмова». «Русская литература», 1960, № 1, с. 139—144; Чемева О. М. «Обломов» И. А. Гончарова и Екатерина Майкова. «Русская литература», 1959, № 3, с. 159—168; Этапы творческой истории романа И. Гончарова «Обрыв». «Русская литература», 1961, № 4, с. 195—208.

⁹⁸ См.: Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. М.-Л., 1962.

В нашей литературоведении в последнее время наметилась вредная тенденция рассматривать крупные произведения отдельных авторов в плане выявления определенных закономерностей в развитии метода или жанра. Именно с точки зрения развития жанра романа анализируются Н. И. Пруцковым все три крупных произведения Гончарова в «Истории русского романа» (т. 1, 2. М.-Л., 1962—1964). К сожалению, при этом как бы на втором плане остался вопрос о внутренней эволюции гончаровского романа.

В какой-то мере данный пробел восполнен исследователем в его монографии о мастерстве романиста. В этой книге все романы Гончарова включены в общий процесс развития жанра романа 40-х—70-х гг. и анализируются в сопоставлении с произведениями Тургенева, Достоевского, Писемского. Ставится вопрос о развитии гоголевской традиции в романах этих годов.

Книга Н. И. Пруцкова раскрывает идейно-художественное своеобразие романа Гончарова. Но в ней есть, на наш взгляд, и весьма спорные положения, не всегда убедительно аргументированные. Сомнительны утверждения о комическом, почти фарсовом окончании «Обыкновенной истории», о «глубоко трагических мотивах» в изображении Обломова и об идеализации Гончаровым некоторых черт его героя. Неясно, где, в чем именно увидел исследователь в романе «безуспешную борьбу героя с обломовщиной во имя человеческого». Неубедительны замечания о композиции романов, об их так называемой «органичности». Даже само определение «Роман «Обломов» следовало бы назвать классическим примером русского органического романа»⁹⁹ — звучит неясно.

Попытка А. Захаркина дать монографический анализ одного романа оказалась неудачной¹⁰⁰. Его книга отличается дилетантским подходом к материалу. Здесь читатель найдет такие положения, которые просто искажают творческий облик Гончарова: «Гончаров был чуток к подробностям жизни, умел уловить главные направления идейных исканий эпохи. Как и Тургенев, он прозорливо видел новое, что возникло в русской действительности». Если Добролюбов в этой плоскости противопоставляет Тургенева и Гончарова, если сам Гончаров неоднократно подчеркивает необходимость и закономерность типизации явлений устоявшихся, то Захаркин утверждает совершенно противоположное, нисколько не считаясь с фактами. Здесь вы найдете и такие «открытия», как «...жизненный опыт помогал Гончарову вырабатывать демократическое мировоззрение», «показательной является повесть «Счастливая

⁹⁹ Пруцков Н. И. Цит. соч., с. 143.

¹⁰⁰ См.: Захаркин А. Роман И. А. Гончарова «Обломов». М., 1963.

ошибка», «художественной ощупью подходил к народности и Гончаров», «Адуев сочетает в себе ум с большим сердцем», «Марфинька — первая из героинь, сторонниц теории «малых дел», «образ Обломова дан в развитии», «Илья Ильич — настоящий тунеядец», «мечты его не выходили из круга свободной жизни», «в описании Обломова Гончаров прибегает к помощи сравнений» и т. д.

И как это ни парадоксально, компилятивная легковесная книга А. Захаркина, хотя и сдержанно, но в общем положительно оценивается рецензентом С. А. Трубниковым и даже рекомендуется учителям-словесникам для «обогащения» их уроков!¹⁰¹

В последнее время усилился интерес к проблемам стилистики художественной речи. Анализ произведений И. А. Гончарова в этом направлении приведет к очень интересным выводам и позволит понять «тайну» писателя, который «богоподобно» лепил фигуры и образы людей, живые до обмана¹⁰².

В этом плане бесспорно интересны статьи В. К. Фаворина «И. А. Гончаров в борьбе за реалистический язык русской литературы» («Уральский современник», 1954, № 2) и «О взаимодействии авторской речи и речи персонажей в языке трилогии Гончарова» («Изв. АН СССР, отделение литературы и языка, т. 9, вып. 5, 1950»). Знакомство с этими статьями поможет разобраться в стиле произведений Гончарова.

Вопросам изучения творчества Гончарова в школе посвящены статьи М. Д. Кочариной «Работа над романом Гончарова «Обломов». («Литература в школе», 1955, № 4), где автор делится опытом своей работы над текстом романа; Г. И. Беленького «Ответы на вопросы читателя» («Литература в школе», 1960, № 4), где речь идет о степени типизации Обломова и Штольца; М. П. Самарина «К вопросу об изучении романа Гончарова «Обломов» в средней школе» («Науки записки Харьк. пед. ин-та, т. 10, 1947).

Сугубо методический характер имеет книга М. Н. Салтыковой «Изучение творчества И. А. Гончарова в 9 классе. В помощь учителю» (Л., 1956). 1-я глава, посвящена литературной деятельности Гончарова, состоит из общих мест, порой не очень удачно сформулированных и мало содержательных фраз, вроде: «Идейное содержание (1) первого романа Гончарова — разоблачение дворянского романтизма и прекраснодушия, порожденных условиями жизни в крепостнической усадьбе, раскрытие краха(?) буржуазных идеалов семейного благополучия» (с. 8), «написанная легким разговорным языком, книга эта читается с интересом» (с. 9), «Гончаров создал образ Веры противоположным методом» и т. д. Ошибочно утверждение на с. 11, что в период создания «Обрыва» настроения

¹⁰¹ См. журн. «Литература в школе», 1964, № 1.

¹⁰² Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 24, с. 235.

и общественно-политические взгляды Гончарова настолько изменились, что «он всецело на стороне правительства Александра II в его борьбе с русским революционно-освободительным движением». Это положение мотивируется тем, что Гончаров служил цензором.

Большая 2-я глава посвящена анализу романа «Обломов». Здесь есть свежие удачные наблюдения над текстом, хотя и в этой главе целый ряд положений и методических советов совершенно неприемлем. Так, на с. 43 автор утверждает, что сущность обломовщины раскрывается через «коллективный» (!) собирательный образ Обломовки, созданный Гончаровым. На стр. 59, 63, 79—80 настойчиво повторяется, что Обломов не умеет бороться за свое счастье и его «засасывает болото» мешанской жизни, что Гончаров «все же не смог, в силу ограниченности своего мировоззрения, подняться до понимания того, насколько широко обобщающее значение имел созданный им образ», «мы обращаем внимание учащихся на то, что по этому вопросу Добролюбов расходился с автором романа «Обломов» (с. 30).

Приведенных цитат достаточно, чтобы видеть, что М. Н. Салтыкова трактует обломовщину вопреки Добролюбову. Ведь в Илье Ильиче главное — обломовщина, что прекрасно сознает и сам герой и его творец, а вовсе не неспособность к борьбе. Гончаров прекрасно понимал всю широту обобщения типических явлений крепостничества в своем произведении, недаром он хотел первоначально назвать свой роман «Обломовщина» и не случайно гостей и знакомых Обломова — Волкова, Судьбинского, Пенкина, Алексева, Тарантьева — устами Ильи Ильича он называет «обломовцами». И справедливо! Это же подчеркнул и Добролюбов. Поэтому нельзя гостей Обломова делить на две группы (как это предлагает Салтыкова) — на равных Обломову и на «приживальцев». Такое схематическое деление по чисто внешнему признаку лишь уводит от главной мысли.

Что же касается широкого обобщающего типа Обломова, то Добролюбов здесь солидарен с Гончаровым. Критик не разделяет мысли Гончарова о том, что обломовщина уйдет из жизни сама собою. Добролюбов полагает, что с нею надо бороться, что еще рано прощаться с нею. Широта обобщения в образе — типе общественного явления — и отношение к этому явлению — совершенно разные вещи!

Думаю, что неправильно Салтыкова понимает значение образов Ольги и Обломова и плохой дает совет воспитателю не фиксировать внимание учащихся на любви Ольги и Ильи Ильича (с. 50), а выделить лишь наиболее «поэтические» моменты (на самом деле приводится в высшей степени сентиментальный отрывок и методист, к сожалению, не замечает великолепной иронии Гончарова). Именно развитие любовной интри-

ги и понимание каждым из героев любви по-своему: у Ольги любовь — долг, у Ильи Ильича любовь — идеал покоя, возвращение к идиллиям Обломовки, — позволяет проникнуть в психологию героев и в сущность противоположности их характеров и образов. «Методические» указания на с. 43—44 ведут к чисто формальному, поверхностному анализу 9-ой главы. Подобные задания убивают у учащихся всякую любовь и интерес к литературе.

И, наконец, несколько слов о языке, каким написана книга Салтыковой. Речь учителя — образец правильной литературной речи. Тем большие требования предъявляются к тому, кто берется наставлять учителей! В наставлениях же М. Салтыковой встречаются такие выражения, как, например, «Гончаров подчеркивает громадное значение среды на **формирование** (подчеркнуто нами. — Н. П.) человека» (с. 47), «Тарантьев и Алексеев заменили Илье Ильичу многочисленную свору приживальцев (?), окружавшую его родителей в родной Обломовке» (с. 39). «...родители определенным образом воспитывали Илюшу. Что же характерно для этого воспитания? Кратко это можно было бы сформулировать следующим образом: полное отсутствие самостоятельности и труда, деморализующая власть помещика над крепостными, отсутствие здоровой физической закалки, роль фантастики в жизни Илюши» и т. д. (с. 51).

Как это ни печально, но книжка М. П. Салтыковой, хотя и написана «в помощь учителю», никому не поможет.

В 1970 г. в издательстве «Художественная литература» вышла небольшая книжка Е. Краснощековой «Обломов» И. А. Гончарова», представляющая несомненный интерес для исследователей. Это удачная попытка подойти к роману по-новому, показать его современное воспитательное воздействие, объяснить бесспорное значение образа главного героя в плане его нравственного современного звучания. Характер Ильи Ильича и своеобразие художественной манеры писателя прослеживаются на материале всех трех романов Гончарова.

Значительным явлением в литературоведении стал выход книги старейшего исследователя творчества Гончарова Н. К. Пиксанова¹⁰³. Автор поставил перед собою задачу анализа существенных особенностей романа на фоне тогдашней литературно-общественной борьбы, поэтому внимание исследователя сосредоточено на проблематике романа и литературной дискуссии вокруг него. Вопросам художественного своеобразия уделяется меньшее внимание, что, как пишет автор в предисловии, не входило в задачу данной книги.

Исследование О. М. Чемени «Создание двух романов» (М., 1966) посвящено творческой истории «Обломова» и «Обрыва»

¹⁰³ Пиксанов Н. К. Роман Гончарова «Обрыв» в свете социальной теории. Л., 1968.

и роли Е. П. Майковой как прототипа Ольги Ильинской и Веры.

О. М. Чемена вводит в науку новые интересные биографические материалы, но ее выводы несколько преувеличены, что вызвало критические отзывы и Н. К. Пиксанова и рецензентов¹⁰⁴. Тем не менее знакомство с книгой Чемены полезно для специалистов.

В последнее время в целом ряде работ делаются попытки типологического анализа явлений литературы, большое внимание уделяется поэтике реализма, развитию жанра романа, специфике реалистических романов. В таких общих исследованиях свое место занимают и романы И. А. Гончарова. В этом плане наибольший интерес представляют такие работы как сб.: Проблемы типологии русского реализма (М., 1969), статьи У. Р. Фохта, Ю. В. Манна (сб.: Развитие реализма в русской литературе, в 3-х т., т. 2. (М., 1973, кн. 2), книга Г. М. Фридендера. «Поэтика русского реализма» (Л., 1971).

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ РАБОТЫ И. А. ГОНЧАРОВА

«Я откровенно люблю литературу, и если бывал чем счастлив в жизни, так это своим призванием»,—говорит И. А. Гончаров¹⁰⁵.

Всю свою сознательную жизнь писатель посвятил литературному труду. И только материальная необеспеченность заставила тянуть чиновничью службу, о чем Гончаров с горечью не раз упоминал в своей переписке.

Вопреки широко распространенному мнению о том, что Гончаров очень быстро писал, а потом годами молчал, хронология публикаций его произведений свидетельствует, что Гончаров постоянно занимался литературной творческой работой. Она-то и составляла весь смысл и радость его трудной и одинокой жизни.

Публикации художественных произведений, воспоминаний, статей говорят так же о большом внимании со стороны читающей публики к писателю, о его популярности.

1836 г., декабрь. Стихотворение «Отрывок из письма к другу».—«Подснежник» (рукописный журнал в доме Майковых), № 2; повесть «Нимфодора Ивановна». «Подснежник», № 2, 3; стихотворения «Тоска и радость», «Романс». «Подснежник», № 3; стихотворение «Утраченный покой». «Подснежник», № 4.
1838 г., апрель. Повесть «Лихая болезнь», «Подснежник», № 12.

¹⁰⁴ См.: Кайдаш С. Размашистость и небрежность. «Новый мир», 1966, № 11.

¹⁰⁵ И. А. Гончаров и И. С. Тургенев. Пг., 1923, с. 32.

- 1839 г., июль. Повесть «Счастливая ошибка». Альманах «Лунные ночи» (рукописный журнал Майковых).
- 1842 г. Пишется повесть «Иван Савич Поджабрин».
- 1843—1844 г. Работа над произведением «Старики».
- 1846 г., апрель. Чтение I-й части «Обыкновенной истории» в кружке В. Г. Белинского.
- 1847 г., март. «Обыкновенная история», ч. 1. «Современник», № 3.
- 1847 г., март. «Обыкновенная история», ч. 2. «Современник», № 4.
- 1847 г., август. Некролог на смерть В. Н. Майкова. «Современник», № 8.
- 1848 г., январь. «Иван Савич Поджабрин». «Современник», № 1.
- 1848 г. Работа над отрывком «Сон Обломова», в октябре сделана первая редакция.
- 1848 г., ноябрь. «Письмо столичного друга к провинциальному жениху». «Современник», № 11.
- 1849 г., март. «Сон Обломова», эпизод из неоконченного романа», альманах «Литературный сборник с иллюстрациями» (издание «Современника»).
- 1850 г., Написана I-я часть «Обломова».
- 1853 г., март. Написан очерк «Плавание в атлантических тропиках».
- 1853 г., май. Написаны очерки «От мыса Доброй Надежды до Явы», «На мысе Доброй Надежды».
- 1853 г., июль. Очерки «Гонконг», «Сингапур».
- 1855 г., июнь. Очерк «Из Якутска». «Морской сборник», № 6.
- 1856 г. Публикация очерков о кругосветном плавании в «Современнике» и других журналах.
- 1856 г. Задуман «Обрыв», в свои замыслы Гончаров посвящает И. С. Тургенева.
- 1858 г., январь. Отрывок из «Обломова» (ч. 3, глава 2). «Атенеи», № 1.
- 1858 г. «Два случая из морской жизни». «Подснежник». Для детей и юношества, № 2, 3.
- 1859 г., январь. «Обломов», ч. I. «Отечественные записки», № 1.
- 1859 г., февраль. «Обломов», ч. 2. «Отечественные записки», № 2.
- 1859 г., март. «Обломов», ч. 3. «Отечественные записки», № 3.
- 1859 г., апрель. «Обломов» ч. 4. «Отечественные записки», № 4.
- 1860 г. Отзыв о драме «Гроза» Островского. Сб.: «Отчет о 4-ом присуждении Уваровской премии».
- 1860 г., февраль. «Софья Николаевна Беловодова». «Современник», № 2.

- 1861 г., январь. «Бабушка», отрывок из романа «Эпизоды из жизни Райского». «Отечественные записки», № 1.
- 1861 г., февраль. «Портрет» («Эпизоды из жизни Райского»). «Отечественные записки», № 2.
- 1861 г., ноябрь. Фельетон «Возвращение домой» (подпись «ро»). «С. Петербургские ведомости», № 242.
- 1861 г. Роман «Обломов» вышел в переводе на чешский язык в Праге.
- 1866 г., ноябрь. «По поводу юбилея Карамзина» (подпись «Любитель литературы»). «Голос», № 324.
- 1868 г. «Обломов» переведен на немецкий язык, вышел в Лейпциге.
- 1869 г., январь. «Обрыв», ч. 1. «Вестник Европы», № 1.
- 1869 г., февраль. «Обрыв», ч. 2. «Вестник Европы», № 2.
- 1869 г., март. «Обрыв», ч. 3. «Вестник Европы», № 3.
- 1869 г., апрель. «Обрыв», ч. 4. «Вестник Европы», № 4.
- 1869 г., май. «Обрыв», ч. 5. «Вестник Европы», № 5.
- 1872 г., март. «Мильон терзаний». «Вестник Европы», № 3.
- 1873 г. «Обыкновенная история», издание на чешском и сербском языках.
- 1874 г., март. «Из воспоминаний и рассказов о морском плавании». Сб. «Складчина».
- 1877 г. «Обломов» переведен на французский язык, «Обыкновенная история» вышла в Копенгагене на датском языке.
- 1879 г., июнь. «Лучше поздно, чем никогда». «Русская речь», № 6.
- 1880 г. «Литературный вечер». «Русская речь», № 1.
- 1881 г. Заметки о личности Белинского. Сб.: «Четыре очерка». Спб.
- 1884 г. «Обыкновенная история» вышла в немецком переводе.
- 1885 г. Отрывки из «Обрыва» вышли во французском переводе.
- 1886 г. «Обломов» вышел в авторизованном переводе в Париже.
- 1887 г. «Из университетских воспоминаний». «Вестник Европы», № 4.
- 1888 г. «На Родине». «Вестник Европы», № 4.
- 1888 г. «Слуги» (более позднее название «Слуги старого века»). «Нива», № 1, 2, 3, 18.
- 1889 г., январь. «Нарушение воли». «Вестник Европы», № 3.
- 1891 г. «По Восточной Сибири». «Русское обозрение», № 1.
- 1891 г. 15 сентября И. А. Гончаров скончался.
- 1892 г. «Май месяц в Петербурге». Сб.: «Нива», № 2.
- 1893 г. «Превратность судьбы». Сб.: «Нива», № 1.
- Самая подробная запись фактов жизни и творчества И. А. Гончарова дана в работе А. Д. Алексеева «Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова», знакомство с которой обязательно для каждого слушателя спецкурса.

ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, с. 184, 212—213, 548—549.
- Ленин В. И. Политическая агитация и «классовая точка зрения». Полн. собр. соч., т. 6, с. 265.
- Ленин В. И. Аграрная программа русской социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 6, с. 348.
- Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад. Полн. собр. соч., т. 8, с. 380—381.
- Ленин В. И. «Услышишь суд глупца». Полн. собр. соч., т. 14, с. 281—282.
- Ленин В. И. Беседа о «кадетовстве». Полн. собр. соч., т. 22, с. 62—63.
- Ленин В. И. Еще один поход на демократию. Полн. собр. соч., т. 22, с. 83—84.
- Ленин В. И. О международном и внутреннем положении Советской республики. Полн. собр. соч., т. 45, с. 13—14.

* *
*

Источники

- Гончаров И. А. Полн. собр. соч. в 9-ти т. Спб., 1884—1889.
- Гончаров И. А. Полн. собр. соч. в 12-ти т. Спб., 1899.
- Гончаров И. А. Полн. собр. соч. в 9-ти т., т. 9. Спб., 1916:
- Гончаров И. А. Избр. соч. М., 1949.
- Гончаров И. А. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1952—1955.
- Гончаров И. А. Повести и очерки. Л., 1937.
- Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938.
- Гончаров И. А. Неизвестные главы «Обрыва». М., 1926.
- Гончаров И. А. Обломов. Неизданные отрывки из романа. Харьков, 1927, с. 491—541.
- Гончаров И. А. набросок неосуществленного продолжения романа «Обрыв». «Литературный архив», т. 3. М.-Л., 1951, с. 85—90.
- Гончаров И. А. Рождественская елка. «Литературный архив», т. 4. М.-Л., 1953, с. 99—106.
- Путевые письма кругосветного плавания, публикация и комментарии Б. М. Энгельгардта. В сб.: Литературное наследство, т. 22—24. М., 1935.
- Гончаров И. А. Стихотворения. «Звезда», 1938, № 5, с. 243—246.
- Гончаров И. А. Письма к И. И. Льховскому. «Литературный архив», т. 3. М.-Л., 1951 (Замыслы писателя, история создания романа «Обломов», литературные связи).
- Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко. «Литературный архив», т. 4. М.-Л., 1953 (Творческая история романа «Обрыв»).
- Гончаров И. А. Переписка с П. Г. Ганzenом. «Литературный архив», т. 6. М.-Л., 1961 (Высказывания писателя о своих романах, с. 37—105).
- Гончаров И. А. Необыкновенная история. Ред. и коммент. д. И. Абрамовича. В кн.: Сборник Российской публичной библиотеки. Материалы и исследования, т. 2, вып. 1. Пг., 1924., с. 7—189.
- Гончаров И. А. Автобиография. 1859, 1867, 1870 гг. Собр. соч. т. 8. М., 1955, с. 221—232.
- М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Ред. М. К. Лемке, т. 4: Спб., 1912, с. 4—218.

Гончаров И. А. Хорошо или дурно жить на свете. В кн.: Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950, с. 445—449.

Альманах «Подснежник» (рукописный) хранится в рукописном отделе Литературного ин-та АН СССР)

* * *

*

Нечкина М. В. Ленин об «обломовщине». «Правда», 1937, 17 июня.
Цейтлин А. Г. Литературные цитаты Ленина. М., 1934, с. 76—79.

Русские критики и писатели в творчестве И. А. Гончарова.

Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года. Любое изд.

Добролюбов Н. А. Что такое «обломовщина»? «Фрегат Паллада». Очерки путешествия Ивана Гончарова. Любое изд.

Писарев Д. И. «Обломов» Роман И. А. Гончарова. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева, Гончарова. Писемский, Тургенев и Гончаров. Любое изд.

Салтыков-Щедрин М. Е. Уличная философия. Любое изд.

Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы.

Короленко В. Г. И. А. Гончаров и «молодое поколение». Собр. соч., т. 8. М., 1955, с. 254—265.

Горький А. М. История русской литературы. М., 1939, с. 120, 151, 253.

Горький А. М. О том, как я учился писать. Собр. соч., т. 24. М., 1953:

Общие историко-литературные курсы

Цейтлин А. Г. Русская литература первой половины XIX века. М., 1939, с. 465—489.

История русской литературы, т. 8, ч. 1. М.-Л., 1956, с. 400—461.

Посделов Г. Н. История русской литературы XIX века. М., 1972, с. 339—384.

История русской критики, в 2-х т., т. 2. М.-Л., 1958, с. 288—302.

История русского романа, в 2-х т., т. 1. М.-Л., 1962, с. 514—559; т. 2, 1964, с. 149—192.

История русской литературы, в 3-х т. Гл. ред. Д. Д. Благой. М., 1963, т. 2, гл. 4. М., 1964, т. 3, гл. 1, 3:

Сб. Развитие реализма в русской литературе, в 3-х т. М., 1973.

Специальные исследования

а) Монографии

Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М., 1960:

Венгеров С. А. Гончаров. Собр. соч., т. 5. Спб., 1911, с. 234—253.

И. А. Гончаров в русской критике. М., 1958.

Груздев А. И. Солоницын о неизвестном романе И. А. Гончарова «Старики». «Учен. зап. Ленинград. пед. ин-та им. А. И. Герцена», 1948, т. 67, с. 108—113.

Груздев А. И. К хронологии произведений И. А. Гончарова (о датировке очерка «В университете»). «Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена», 1949, т. 87, с. 75—78.

Евгеньев-Максимов В. Е. И. А. Гончаров. Жизнь, личность, творчество. М., 1925.

Ляцкий Е. А. Гончаров. Жизнь, личность, творчество. Спб., 1912.

Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему в жизни свидетелем был». Спб., 1904—1905.

Острогорский В. И. Этюды о русских писателях. Спб. 1910.

Покровский В. И. Гончаров, его жизнь и сочинения. Сб. историко-литературных статей. М., 1912.

Петров С. М. Гончаров. В кн.: Гончаров И. А. Собр. соч., т. 1. М., 1952.

Пиксанов Н. К. Мастер критического реализма И. А. Гончаров. Л., 1952.

Пиксанов Н. К. «Горе от ума» в творчестве Гончарова. В кн.: А. С. Грибоедов. М., 1946, с. 110—133.

Пруцков Н. И. Вопросы литературно-критического анализа. М.-Л., 1960, с. 93—125.

Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. М.-Л., 1962.

Рыбасов А. И. Гончаров. М., 1962.

Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950.

Щусер А. Творчество Гончарова. Сталинобад, 1960.

Материалы юбилейной гончаровской конференции. Ульяновск, 1963.

Развитие реализма в русской литературе, т. 2, кн. 1. М., 1973.

б) Статьи

Айхенвальд Ю. Гончаров. В кн.: Силуэты русских писателей. М., 1914, с. 167—182.

Ариповский В. И. Логика развития характера в романах И. А. Гончарова. «Науч. зап. Ужгор. ун-та», 1959, т. 37, с. 161—182.

Ариповский В. И. К вопросу о мастерстве индивидуализации образов в трилогии Гончарова. «Науч. зап. Ужгор. ун-та», 1960, № 5, с. 28—32.

Батюшков Ф. Д. Гончаров как один из главарей русского романа. Журн. Министерства народного просвещения, 1914, № 9, с. 208—219.

Бершова Е. В. Роль пейзажа в произведениях Тургенева, Гончарова, Герцена. «Учен. зап. Калнингр. пед. ин-та», 1960, вып. 7, с. 52—57.

Буренин В. П. Романист прежнего времени. В кн.: Критические этюды. Спб., 1888, с. 48—132.

Введенский А. Четыре очерка. В кн.: Литературные характеристики. Спб., 1910, с. 56—68.

Военский К. И. И. А. Гончаров, его литературные и общественные идеалы в письмах к графу П. А. Валуеву. В кн.: И. А. Гончаров в неизданных письмах к графу П. А. Валуеву. Спб., 1906, с. 3—9.

Глаголев Н. А. Реализм И. А. Гончарова. «Литература в школе», 1937, № 3, с. 33—51.

Гречишников В. Пейзаж в романах Гончарова. «Русский язык в советской школе», 1929, № 5, с. 21—32.

Груздев А. И. К вопросу о замысле романа И. А. Гончарова «Старики». В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX века. М.-Л., 1958, с. 332—335.

Данилевский Г. П. Литературная исповедь И. А. Гончарова. «Голос», 1879, 13 июля, с. 1—2.

Демиховская О. Традиции Гоголя в творчестве Гончарова 1840-х годов. «Учен. зап. Пермского ун-та», 1960, т. 13, вып. 4, с. 83—92.

Десницкий В. А. Трилогия Гончарова. В кн.: Десницкий В. А. Избранные статьи по русской литературе XVIII—XIX вв. М.-Л., 1958, с. 291—332.

Евстратов Н. Г. Гончаров на путях к роману. «Учен. зап. Уральского пед. ин-та», 1955, вып. 6, с. 171—215.

Егоров Б. Ф. Кого пародировал Н. Г. Чернышевский в рецензии на книгу Н. Готорна? В кн.: Вопросы изучения русской литературы XIX—XX вв. М.-Л., 1958, с. 321—322.

Кони А. Ф. И. А. Гончаров о Пушкине. «Русская старина», 1889, № 5.

Кони А. Ф. И. А. Гончаров. В кн.: Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. Л., 1965, с. 217—225.

Лаврецкий А. Эстетические идеи И. А. Гончарова. В кн.: Лаврецкий А. Эстетические взгляды русских писателей. М., 1963.

Ляцкий Е. А. «Литературный вечер» Гончарова и «Лорин» Валуева. «Современник», 1912, № 3, с. 159—176.

Мазон А. А. Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова. «Русская старина», 1911, № 10, 11, 12; 1912; № 3, 6.

Малахов С. А. Тургенев и Гончаров о поэтике русского романа. Сб.: Проблемы реализма русской литературы XIX в. М.-Л., 1961, с. 102—132.

Миллер О. Ф. Русские писатели после Гоголя, ч. 2. Спб., 1886, с. 3—32.

Михайлов М. Н. Литературно-эстетические взгляды И. А. Гончарова. «Известия Крымского пед. ин-та», 1940, т. 10, с. 73—130.

Михайловский Н. К. Литературные заметки. Полн. собр. соч., т. 4. Спб., 1909, с. 837—850.

Мережковский Д. С. Гончаров. В кн.: Мережковский Д. С. Вечные спутники. Спб., 1910, с. 227—247.

Нейман Б. В. Герои Гончарова. «Русский язык в советской школе», 1930, № 5, с. 83—100.

Оксман Ю. Г. Неизвестные фельетоны Гончарова. В кн.: Фельетоны 40-х гг. М., 1930, с. 15—38.

Поспелов Н. С. Несобственно-прямая речь и формы ее выражения в художественной прозе Гончарова 30-х—40-х гг. В кн.: Материалы и исследования по истории русского языка, т. 4. М., 1957, с. 218—239.

Пруцков Н. И. О художественном своеобразии Гончарова-романиста. «Русская литература», 1961, № 4, с. 79—98.

Рыбасов А. П. Мастер русского романа. «Литературный современник», 1937, № 6, с. 270—278.

Рыбасов А. П. Неизданные стихи И. А. Гончарова. «Звезда», 1938, № 5.

Рыбасов А. П. Литературно-эстетические взгляды Гончарова. В кн.: Гончаров А. И. Литературно-критические статьи и письма. М., 1938, с. 5—53.

Страхов В. И. О творческом процессе И. А. Гончарова. «Учен. зап. Саратов. пед. ин-та», 1957, вып. 29, с. 185—214.

Страхов В. И. Гончаров о художественном мышлении. «Учен. зап. Саратов. пед. ин-та», 1958, вып. 32, с. 77—108.

Фаворин В. И. Гончаров в борьбе за реалистический язык русской литературы. «Уральский современник», 1954, № 2, с. 274—288.

Фаворин В. И. О взаимодействии авторской речи и речи персонажей и языке трилогии Гончарова. «Известия АН СССР. Отд. лит. и яз.», 1950, т. 9, вып. 5, с. 351—161.

Энгельгардт Б. М. Неизданная повесть Гончарова «Лихая болясть». «Звезда», 1936, № 1, с. 231—234.

Юров Б. Как работал Гончаров. «Литературная учеба», 1931, № 9, с. 108—109.

«Обыкновенная история»

Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года. Любое изд.

Белинский В. Г. Письмо Боткину от 17 марта 1847 г. В кн.: Белинский В. Г. Избранные письма, т. 2. М., 1955, с. 311.

Бродская В. Б. Язык и стиль романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история». «Вопросы славянского языкознания». Львов, 1953, № 4, с. 203—230; № 3, с. 129—154.

Васильев В. А. Обзор критических статей об «Обыкновенной истории», появившихся в момент выхода романа, и опыт учета их влияния на дальнейшие произведения Гончарова. «Известия Горского пед. ин-та». Владикавказ, 1929, т. 5, с. 85—106.

Галахов А. Д. Русская литература в 1847 г. «Отечественные записки», 1848, т. 54, отд. 5, с. 18—21.

Григорьев А. А. Обзорение журналов за март 1847 г. «Московский городской листок», 1847, № 66, 67.

Петров С. М. Послесловие (к роману «Обыкновенная история»). В кн.: Гончаров И. А. Обыкновенная история. М., 1954, с. 315—325.

Пиксанов Н. К. Белинский в борьбе за Гончарова. «Учен. зап. Ленингр. ун-та», 1941, № 76, вып. 11, с. 57—87.

Рыбасов А. П. «Обыкновенная история» Гончарова. В кн.: Гончаров И. А. Обыкновенная история. Л., 1939, с. 327—335.

Стремин А. Герой «Обыкновенной истории» Гончарова в новом освещении. «Родной язык в школе», 1929, № 5, с. 7—11.

Фаворин В. К. И. А. Гончаров в борьбе за реалистический язык русской литературы. «Уральский современник», 1954, № 2, с. 274—288.

См. также общие работы о творчестве писателя.

«Фрегат Паллада»

Горенштейн М. С. Творческая история путевых очерков И. А. Гончарова «Фрегат Паллада». «Учен. зап. Адыг. пед. ин-та», 1957, т. 1, с. 113—143.

Державин Н. С. «Фрегат Паллада» И. А. Гончарова (литературный очерк). «Начатки знаний», 1923.

Добролюбов Н. А. «Фрегат Паллада». Очерки путешествия И. Гончарова, в 2-х т. В кн.: Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. 1. Л., 1934 или Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 3-х т., т. 1. 1950.

Дружинин А. В. Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 гг. (из путевых заметок И. Гончарова). «Современник», 1856, с. 55, № 1, отд. 3, с. 1—26.

Злобин В. Н. Путевые очерки И. А. Гончарова. «Морской сборник», 1940, № 10, с. 139—145.

Ляцкий Е. А. Гончаров на фрегате «Паллада». «Огни». Пг., 1916.

Лозовик Г. Ф. Морская тема в книге И. А. Гончарова «Фрегат Паллада». «Учен. зап. Ростов. пед. ин-та», 1955, вып. 1, с. 87—109.

Мазон А. Гончаров в Сибири в 1854—1855 гг. «Русская старина», 1911, № 10.

Михельсон В. А. «Записки» В. М. Головина и «Фрегат Паллада» И. А. Гончарова. «Учен. зап. Краснодар. пед. ин-та», 1955, вып. 12, с. 66—87.

Михельсон В. А. Письма И. А. Гончарова из плавания и «Фрегат Паллада». «Учен. зап. Краснодар. пед. ин-та», вып. 21, 1957, с. 171—193.

Михельсон В. А. К вопросу об идейном содержании и композиции очерков «Фрегат Паллада». «Учен. зап. Краснодар. пед. ин-та», 1959, вып. 2, с. 133—158.

Муравейский С. Д. И. А. Гончаров и его плавание на фрегате «Паллада». В кн.: Гончаров И. А. «Фрегат Паллада». М., 1957.

Некрасов Н. А. Заметки о журналах за октябрь 1855 г. В кн.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч., т. 9. М., 1950, с. 337.

Писарев Д. И. «Фрегат Паллада». Очерки путешествия И. Гончарова, в 2-х т. В кн.: Писарев Д. И. Полн. собр. соч., т. 1. Спб. 1901.

Пиксанов Н. К. «Фрегат Паллада» Гончарова «Учен. зап. Моск. ун-та», 1946, вып. 118, с. 27—42.

Светов А. Судьба фрегата «Паллада». «Огонек», 1952, № 41, с. 32.
Фельтен Н. Е. Конец фрегата «Паллада» (материалы к истории литературного фрегата и дополнения к описанию его плавания). В кн.: Эпрон, 13—15. Л., 1936, с. 243—263.

Фаворин В. К. Диалектологические наблюдения в путевом дневнике И. А. Гончарова. «Учен. зап. Новосибир. пед. ин-та», 1946, вып. 3, с. 69—96.

Цейтлин А. Г. «Фрегат Паллада». В кн.: Гончаров И. А. Соч., т. 6. М., 1952, с. 382—391.

Шкловский В. И. Гончаров как автор «Фрегата Паллады». В кн.: Шкловский В. И. Заметки о прозе русских классиков. М., 1955, с. 223—245.

Энгельгардт Б. М. «Фрегат Паллада». «Литературное наследство», 1935, т. 22—24, с. 309—343.

Отчет графа Путятина о плавании отряда судов наших в Японию и Китай, 1852—1854 гг. «Морской сборник», 1856, № 1, отд. 3, с. 132—174.

«Обломов»

Анненский. И. А. Гончаров и его «Обломов». «Русская школа». 1892, № 4, с. 71—95.

Ахшарумов Н. Д. «Обломов». Роман И. А. Гончарова. «Русский вестник», 1960, № 1, с. 600—629.

Без подписи «Убийственная критика». «Отечественные записки». 1859, № 10, отд. «Русская литература», с. 118—121.

Беленькая Ф. И. Из наблюдений над языком и стилем романа И. А. Гончарова «Обломов». «Учен. зап. Иванов. пед. ин-та», 1959, вып. 6, т. 22, с. 117—137.

Бершова Е. В. Работа И. А. Гончарова над образом Ольги в романе «Обломов». «Учен. зап. Калинингр. пед. ин-та», 1958, вып. 4, с. 127—147.

Бершова Е. В. Некоторые вопросы композиции романа Гончарова «Обломов». «Учен. зап. Калинингр. пед. ин-та», 1959, вып. 6, с. 99—125.

Данилов В. В. Прототип Обломова в русской литературе 20-х гг. «Русский филологический вестник». Варшава, 1912, № 4, с. 424—427.

Добролюбов Н. А. Что такое обломовщина? Любое изд.

Дружинин А. В. «Обломов», роман И. А. Гончарова. В кн.: Дружинин А. В. Соч., т. 7. Спб., 1866, с. 579—1001.

Качерина М. Д. Работа над текстом романа Гончарова «Обломов». «Литература в школе», 1955, № 4, с. 42—52.

Котов А. О романе И. А. Гончарова «Обломов». В кн.: Котов А. Статьи о русских писателях. М., 1958, с. 66—79.

Краснощекова Е. «Обломов» И. А. Гончарова. М., 1970; К. Б. (Кушелев-Безбородко Г. А.). О значении романа нравов в наше время (по поводу нового романа г. Гончарова «Обломов»). «Русское слово», 1859, № 7, с. 1—36.

Милюков А. П. «Обломов». Роман И. Гончарова. «Светоч». 1860. № 1, с. 3—38.

Медведев В. П. Система работы над романом И. А. Гончарова «Обломов» в IX классе средней школы. «Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1957, т. 150, с. 153—163.

Овсяннико-Куликовский Д. Н. Илья Ильич Обломов. Обломовщина и Штольц. В кн.: Овсяннико-Куликовский Д. Н. История русской интеллигенции. М., 1907, ч. 1, с. 274—329.

Переверзев В. Социальный генезис обломовщины. «Печать и революция», 1925, № 2, с. 61—78.

Пиксанов Н. К. Обломовщина. В кн.: Гончаров И. А. Обломов. М., 1935, с. 403—431.

Писарев Д. И. «Обломов». Роман И. А. Гончарова. В кн.: Писарев Д. И. Собр. соч., т. 1. М., 1955, с. 3—17.

Писарев Д. И. Тургенев и Гончаров. В кн.: Писарев Д. И. Собр. соч., т. 1, с. 192—230.

Писарев Д. И. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. В кн.: Писарев Д. И. Собр. соч., т. 1. М., 1955, с. 231—270.

Рождественская М. Б. Некоторые вопросы художественного мастерства И. А. Гончарова в романе «Обломов». «Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1961, № 175, с. 79—136.

Салтыкова М. П. Изучение творчества Гончарова в IX классе. Л., 1956.

Соколовский Н. По поводу романа «Обломов». «Отечественные записки». Спб., 1859, № 5, отд. «Русская литература», с. 67—76.

Страхов В. И. О творческом процессе И. А. Гончарова (работа писателя над «Сном Обломова»). «Учен. зап. Саратов. пед. ин-та», 1957, вып. 29, с. 185—214.

Тараненко Т. Т. Фразеологизмы и их стилистическое назначение в романе И. А. Гончарова «Обломов». Харьков, 1961.

Чемена О. М. И. А. Гончаров и семейная драма Майковых. В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX вв. М.-Л., 1958, с. 185—195.

Чемена О. М. «Обломов» И. А. Гончарова и Екатерина Майкова. «Русская литература», 1959, № 3, с. 159—168.

Чемена О. М. Создание двух романов. М., 1966.

«Обрыв»

А-ов Л. Н. (Антропов Л. Н.). «Обрыв», роман И. А. Гончарова. «Заря», 1869, № 11, с. 95—140.

Гончаров И. А. Послесловие к роману «Обрыв». Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв». Лучше поздно, чем никогда. В кн.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1955.

Евгеньев-Максимов В. Е. Работа над «Обрывом». В кн.: Гончаров И. А. Никитинские субботники. М., 1928, с. 225—298.

Злобин В. Н. Как создавался «Обрыв». «Литературная учеба», 1937, № 7, с. 30—47.

Михайловский Н. К. Софья Николаевна Беловодова. В кн.: Михайловский Н. К. Полн. собр. соч., т. 10. Спб., 1913, с. 369—382.

Нелюбов Л. (Г. А. Ларош). Новый роман Гончарова. «Русский вестник», 1869, № 7, с. 335—379.

Незеленов А. И. «Обрыв». Роман в 5 частях И. Гончарова. «Заря», 1870, № 5, с. 185—201.

Окрейц С. С. Новые романы всех старых романистов. «Дело», 1869, № 9, отд. 2, с. 76—88.

Переверзев В. Ф. Образ нигилиста у Гончарова. «Литература и марксизм», 1928, № 1, с. 46—62.

Пиксанов Н. К. Роман И. А. Гончарова «Обрыв». «Учен. зап. Ленингр. ун-та», 1954, вып. 20, № 173, с. 186—257.

Пиксанов Н. К. Роман Гончарова «Обрыв» в свете социальной истории. Л., 1968.

Политико Д. А. Роман И. А. Гончарова «Обрыв». Минск, 1962..

Районов Т. И. «Обрыв» Гончарова как художественное целое. В кн.: Вопросы теории и психологии творчества, т. 7. Харьков, 1916, с. 32—75.

Салтыков-Щедрин М. Е. Уличная философия. Любое изд.

Скабичевский А. М. Старая правда. «Отечественные записки», 1969, № 10, с. 189—237.

Скабичевский А. М. Из воспоминаний. «Русское богатство», 1907, № 6—8.

Гилловден Н. Родство и кипучие страсти (Критика романа Гончарова «Обрыв»). В кн.: Соловьев Н. Искусство и жизнь, ч. 3. М., 1910, с. 268—279.

Суперанский М. Ф. И. А. Гончаров и новые материалы для его биографии. «Вестник Европы», 1908, № 11, с. 5—48; № 12, с. 412—460.

Страхов Н. Н. Из истории литературного нигилизма 1861—1866 гг. Спб., 1890.

Утевский Л. С. Вокруг «Обрыва». «Литературное наследство», 1935, т. 22—24, с. 755—764.

Утин Е. Литературные споры нашего времени. «Вестник Европы», 1869, № 11, с. 347—374.

Чемена О. М. Эталы творческой истории романа И. Гончарова «Обрыв». «Русская литература», 1959, № 4.

Чуковский К. И. Борьба за «Обрыв». «Минувшие дни», 1927, № 1, с. 141—143.

Шелгунов Н. В. Талантливая бесталанность. В кн.: Шелгунов Н. В. Собр. соч., т. 2. Спб., 1895, с. 333—368.

Шелгунов Н. В. Люди 40-х и 60-х гг. «Дело», 1869, № 11, 12.

Цебрикова М. К. Псевдоновая героиня. «Отечественные записки», 1870, № 5, с. 24—53.

Цейтлин А. Г. Поэзия провинциального патриархализма. В кн.: Гончаров И. А. «Обрыв». Харьков, 1927, с. 7—20.

Эльсберг Я. Послесловие (к роману «Обрыв»). В кн.: Гончаров И. А. «Обрыв». М., 1950, с. 767—780.

Справочная литература

Алексеев А. Д. Библиография И. А. Гончарова. Л., 1968.

Бухштаб Б. Я. И. А. Гончаров. Указатель основной литературы. Л., 1948.

Венгеров С. А. И. А. Гончаров. В кн.: Собр. соч., т. 5. Спб., 1911, с. 234—253.

Суперанский М. Ф. Каталог выставки в память И. А. Гончарова в Симбирске 6—15 июня 1912 г. Симбирск, 1912.

Языков Д. Д. И. А. Гончаров. В кн.: Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц, вып. 2. Спб., 1909, с. 27—41; вып. 12. Спб., 1912, с. 268—269.

Русские писатели второй половины XIX—начала XX в. Рекомендательный указатель литературы, ч. I. М., 1958, с. 169—191.

История русской литературы XIX в. Библиографический указатель. М.-Л., 1962, с. 247—256.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Литературные опыты в «домашнем кругу»	9
«Талант его не первостепенный, но сильный, замечательный»	18
Вокруг света	27
«Знамение времени»	40
Многосюжетный роман	60
Обзор литературы	69
Краткая хронология литературной работы И. А. Гончарова	84
Литература	87

НИНА КОНСТАНТИНОВНА ПЕТРОВА
ТВОРЧЕСТВО И. А. ГОНЧАРОВА

Учебное пособие по спецкурсу

Редактор *Н. П. Кольцова*
Техн. редактор *Т. Е. Светличная*
Корректор *Л. В. Хомченко*

Сдано в набор 05.11.78. Подписано к печати 06.04.79. Л-81148. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офс. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 6,0. Уч.-изд. л. 6,34. Заказ № 1631. Тираж 4000 экз. Цена 20 коп. Заказная

Издательство Московского университета Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7.
Типография № 8 Управления издательств, полиграфии и книжной торговли
Мосгорисполкома, Москва, Товарищеская ул., д. 4

Цена 20 коп.